

ВЕСТНИК

СТИНЫ

Николай Георгиевич
БАТУРИН

- «Голгофа — не только исторический факт. Она продолжается и донныне...»

стр. 4

- «С уверенностью хочу сказать, что наше внутрицерковное движение уникально в том смысле, что Господь вывел наше братство на путь полной независимости...»

стр. 20

- *«Межи мои прошли по прекрасным местам...»*

стр. 52

*Младенец родился нам; Сын дан нам...
и нарекут имя Ему ...Отец вечности...*

Ис. 9, 6

Нет, не внезапный прилив чувств побудил Бога послать Христа умереть за человечество. Его план был развит и создан еще до сотворения мира (Еф. 1, 4; Откр. 13, 8). Иисус был достоянием не одного лишь известного века. Он — собственность всех веков и народов. Его возглас: «Совершилось!» — громко раздаётся от Едема до страшного суда. Он от начала был с Богом и от начала был и есть Бог, и во все века будет царствовать со Своим Отцом на престоле славы.

Иисус был откровением в плоти и крови Божьего отношения к человечеству. Он вчера и сегодня и вовеки Тот же — «Отец вечности». Какая музыка в этом слове «вечность»! Он — нежный, доступный, Сам являющий нам неизменную любовь и силу Отца и таким образом удовлетворяющий нас Он — «Отец вечности».

В эти рождественские дни сердца наши особенно исполнены глубокой благодарности Небесному Отцу за неизреченный дар неба — рождение в мир Спасителя! В эту чудную ночь ликовали небеса и все вышнее воинство славilo Бога. Это событие не изгладится из памяти никогда! И мы радуемся о Христе, потому что с того самого дня Боговоплощения можем говорить: «С нами Бог!»

Он пришел, чтобы принести миру нашему мятущемуся духу, и мы говорим: «Аминь!», ибо Он наполняет сердца Своим Божественным миром. Он пришел, чтобы даровать нам радость, и мы торжественно провозглашаем: «Аминь!», ибо сердца наши восторгаются благодатью Божьей и поют Ему осанну. Мы видим, что только безграничная любовь к погибающим людям и смирение, доходящее до самоотвержения, способны приносить благословенный плод делу, которое определила воля Всевышнего. Сам Христос сказал нам: «Кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лук. 14, 27). Итак, пойдем за Иисусом, не щадя себя, ибо чем больше мы расточаем себя, тем больше соберем для вечности.

Только путь жертвенного служения плодоносен. Поэтому, всем сердцем восприняв радость Христова Рождества, будем просить Его о ниспослании жажды подражания Ему во всем, чтобы прославился Господь не только в наших песнопениях и в благодарственных молитвах, но и в жертвенном служении Ему, в жизни, преображенной пришедшим в мир Спасителем.

Н. Г. БАТУРИН

*Благодать и истина
произошли чрез
Иисуса Христа.*

Иоан. 1, 17

ИСТИНЫ

Духовно-назидательный журнал Союза церквей евангельских христиан-баптистов

Издается с 1963 года

Выходит ежеквартально

СОДЕРЖАНИЕ

«Подвигом добрым я подвизался...»
(Автобиографический очерк) 4

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

«Держи, что имеешь...» (Н. Г. Батурич) 37
Гимн доброте (Н. Г. Батурич) 40
Имена Божьи (Н. Г. Батурич) 42
Уроки боговедения (Н. Г. Батурич) 47

В последний путь 49

«Межи мои прошли по прекрасным местам...» 52

4 (104) . 1988

Николай Георгиевич
БАТУРИН
(1927—1988)

ЖК

изнь Церкви Христовой проявляется в верности ее служения Богу и в исполнении заповедей Иисуса Христа. Одним словом — во Христе! Может ли быть отлучен от этой жизни духовный центр нашего братства, находящийся в своем большинстве в узах и частично в условиях конспирации? Нет! Никогда! И если я и многие мои братья и сестры по вере во Христа лишены возможности совершать духовное служение на свободе, то оно ни на один час не прекращается в условиях неволи. Это служение — МОЛИТВА! Я не могу сказать, что достиг совершенства... но в немощи моей я совершаю это служение постоянно. И знаю, что Бог слышит мои молитвы. Знаю также, что мои узы и слезы моей семьи находят отклик в сердцах многих тысяч моих единоверцев и побуждают их к усиленным молитвам как за меня, так и за всех страдальцев за имя Христово. И это служение взаимной любви еще теснее соединяет нас духовно друг с другом, побуждает к верному служению Господу...

(Из заключительного слова Н. Г. БАТУРИНА на последнем судебном процессе.)

(Автобиографический очерк)

„ПОДВИГОМ ДОБРЫМ Я ПОДВИЗАЛСЯ...»

2 Тим. 4, 7

«Как мало мы знаем Голгофу»

Запись в дневнике:

Кемеровская тюрьма 27.11.83. г.

"В рай мы идем чрез Голгофу..." Сегодня эта мысль прозвучала во мне со всей ясностью и убедительностью. Только теперь я вполне уразумел это и "с душою сокрушенной стою пред Тобой..."

И все же как мало еще отражены в нас события того единственного дня на земле, "когда Бог умерал за людей, за весь мир, потонувший во зле". Как мало мы еще знаем Голгофу.

Как мало я знаю о поношениях, которые сокрушили сердце Господа и Он изнемог.

Моисей хорошо знал цену Египетским сокровищам, но, взвесив все, "поношение Христово почел большим для себя богатством... и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное, греховное наслаждение" (Евр. 11: 26, 25).

Голгофа — не только свершившийся исторический факт. Она продолжается и донныне. Поношение Христа все еще не пе-

рестает звучать в адрес наименьших братьев Его, изгнанных за правду. Но Господь ободряет Своих последователей: "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня... "Для плотского человека это блаженство непостижимо, он неспособен понять преимущество небесного сокровища.

Да и мне с трудом дается этот урок, особенно там, "где собственная воля в раздетой нищете и унижении должна ложиться на жертвенник, где люди несправедливо судят, где любимые мечты приходятся хоронить в тиши и одиночестве..." Хотелось бы опровергать, отрицать все поношения и хуления, извергаемые людьми. А ведь Он "не открывал уст Своих... и, как агнец пред стриженным его, беззласен..."

Господи, помоги мне, ведь Тебе было неизмеримо тяжелее. Тебя первосвященники и книжники предали, а затем оклеветали и обвинили. В величайших муках на кресте Ты был оставлен даже Отцом Своим. А меня, при моих малых скорбях и страданиях, Ты не оставлял одного но Своему верному любвеобильному обетованию, — какое же это великое счастье и радость! Слава Тебе вовек!

Мой отец, Егор Степанович Батурин (1900 года рождения), находясь на службе в армии, несколько раз побывал в Новосибирской церкви, и с первого же посещения в его сердце запали слова Евангелия: "Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха". Через познание распятого Христа он получил прощение грехов и возрождение к новой жизни. Ему было тогда 20 лет.

За новые убеждения его вскоре сослали на полгода в Забайкалье на лесоповал. Возвратившись в родную деревню Челноково, недалеко от Красноярска, он стал проповедовать Слово Божье. Люди охотно слушали и приобщались к истине. Образовалась небольшая община, их стали посещать служители из Новосибирска и Красноярска.

Девичья фамилия моей мамы — Мусливец, звали Полиной. Родилась 28 октября 1904 года в бедной православной семье, жившей на станции Иланская Канского округа Енисейской губернии.

В начале 20-х годов в Сибири, как и по всей России, проповедь Евангелия была свободной. На станции Иланская верующие также стали проводить богослужения, на которые приглашали желающих послушать Слово Божье и пение духовных гимнов.

В то время из-за голода в Иланск из Ленинграда переехала семья верующих. Юная Поля познакомилась с ними, стала посещать собрания и покаяться. В 17 лет через водное крещение приобщилась к Церкви Христовой и участвовала в миссионерских поездках хоровой группы с братьями-благовестниками. В одной из поездок познакомилась с молодым проповедником, Егором Степановичем Батуриным, за которого в 1924 году вышла замуж.

Жили они близ Красноярска в деревне Челноково. Материально молодая чета была совершенно не обеспечена. Невеста Поля была бесприданная, а Гоша, хотя и был когда-то у отца, Степана Федоровича, любимым сыном, вернувшись из армии верующим, навлек на себя непримиримую ненависть родителя. Мачеха Егора Степановича,

Елизавета, и раньше не питала к нему добрых чувств.

Два года молодожены работали у родителей, занимались хлебопашеством, но за труд не получили ничего, кроме неприязни отца и попреков мачехи.

В марте 1926 г. у них родился сын, назвали Михаилом. Подвыпивший Степан Федорович говорил: "Меньку оставьте мне, а сами можете проваливать к своим бактистам! Ненавижу я вас!"

Появились, возможно, и другие неблагоприятные обстоятельства, которые вынудили моего отца покинуть родную деревню. По совету верующих братьев он переехал с семьей на родину жены (станцию Иланскую). В декабре 1927 года родился второй сын, Николай, но они все еще не имели своего крова над головой и снимали квартиру на окраине села у сторожа кирпичного завода.

В 1928 году на усадьбе тестя, Василия Кирилловича, (с помощью родственников мамы и верующих) отец срубил однокомнатный домик. Сам приготовил лес, вывез его на лошади, вручную распилил на доски.

Одновременно выращивал хлеб, чтобы иметь средства для пропитания семьи. Трудовая жизнь крестьянства в те времена была очень тяжелой. Только благодаря познанию любви Божьей, служению Ему и общению со святыми эта жизнь обрела радостный смысл.

НАЧАЛО ГОНЕНИЙ

Время свободы проповеди Евангелия было недолгим. В апреле 1929 года вышло известное Постановление правительства о религиозных культах, а в мае того же года начались аресты благовестников, пресвитеров и руководящих общинами.

В Иланской общине арестовали сначала пресвитера Воробьева, затем второго брата, избранного на его место. Третьим руководящим был мой отец.

В журнале "Христианин" за 1928 год помещена фотография благовестников и сотрудников братского совета Канского округа, на которой в первом ряду сидят: благовестник Михаил Иванович Щукин, брат Воробьев и другие.

В третьем ряду среди стоящих братьев — мой отец. Как участник миссионерской работы он, по-видимому, состоял на особом учете в органах власти.

Однажды, возвращаясь со съезда из Новосибирска, отец, по своему обыкновению, беседовал с пассажирами о Христе. Какая-то учительница вступила в спор. Проводник прислушался к их разговору и вызвал милиционера. Отца сняли с поезда и отправили в Канскую тюрьму, где продержали три месяца.

В то время существовал закон, по которому служителей культа, имеющих соответствующее духовное образование и сан, лишали права голоса. Местные власти, узнав, что мой отец избран руководящим Иланской общины, причислили его к разряду служителей культа и лишили права голоса, хотя он был простым крестьянином-хлеборобом с 2-классным образованием.

С началом коллективизации лишенцев подвергали репрессиям в виде повышенного продналога. В 1930 г. отец собрал 92 пуда зерна. Этим хлебом надо было прокормить семью из пяти человек и оставить семена для будущего года. Сельский Совет наложил налог в 160 пудов! Естественно, погасить его отец не смог и вскоре был арестован, снова оказавшись в Канской тюрьме.

За невыплату сельхозналога папа отсидел в тюрьме. Сверх этого сельсовет предъявил ему еще две задолженности: сдать единственную корову на план мясозаготовок и, поскольку у нас был конь, — месяц отработать на нем на лесозаготовках.

"Я не могу это сделать — у меня трое маленьких детей и коня украли, пока сидел в тюрьме..."

Но учитывать этого никто не захотел. "Если не сдашь корову, садись снова в тюрьму!" И он повел корову со двора. Была ранняя весна, холодно. На отце была длинная овчинная шуба. Дети, мама, бабушка со слезами смотрели в окно. За корову дали 50-рублевую облигацию, а отца вскоре сослали.

МАЛЕНЬКИЕ СКИТАЛЬЦЫ

Следом за папой в ссылку поехала мама, взяв с собой старшего сына (ему

необходимо было в Красноярске сделать операцию).

Меня и 2-летнюю Веру оставила у своего неверующего брата Ивана Васильевича. У него была своя немалая семья и недостроенный дом. Все дети, как я помню, спали в сарае. За мной и Верой не было никакого присмотра.

Поздней осенью приехала из Канска известная добродетелью верующая сестра Степанида, хорошо знавшая маму. Принялась нас мыть и расчесывать, а сама плакала. Затем увезла Веру к себе, а меня отправили в деревню Ашкаул, неподалеку от Канска.

В 1933 г. мой двоюродный дедушка, Яков Федорович Батулин, привез меня в семью руководящего Красноярской общиной — Ивана Алексеевича Белкина. Его жена, Мария Васильевна, некоторое время заменяла мне мать. Мне шел тогда шестой год, но уже два с половиной года я оставался на положении сироты.

У Белкиных я прожил до весны 1934 года. Началась навигация по Енисею, и меня, наконец, привезли в Маклаково, где временно остановилась мама. После трехлетней разлуки я ее не узнал и долго не мог называть мамой.

ЗАМЕРЗШИЕ СЛЕЗЫ

Операцию Мише в Красноярске делать не стали, и мама пароходом поехала в Енисейск, а оттуда дальше в Соврудник, в тайгу к отцу. Первое время начальство разрешало ссыльным жить с родными. В общей палатке папа отгородил угол для семьи. Мама шила на руках ссыльным белье, обстирывала их, варила, — работы было много.

Среди зимы, в начале 1934 года, пришел строгий приказ, запрещающий ссыльным жить с семьями. Теперь уже из ссылки в сорокаградусный мороз с грудным ребенком и малолетним сыном высылали маму. Папа нашел санный обоз, договорился с хозяином подводы доставить семью в Енисейск. Настлал мягкого сена в сани, утеплил, чем мог, постель для детей и, вручив их Господу, распрощался.

Тайга, узкая колея санного пути,

трескучий мороз... Грудного ребенка надо было пеленать, кормить, а зимовья, где можно остановиться, находились за десятки верст. Кроме того, мама постоянно тревожилась: с обозом возвращались освободившиеся воры, бандиты, готовые украсть единственный пуд муки и другие продукты и вещи немудреного багажа жены ссыльного христианина. Один Бог знал все муки этого скорбного пути и видел тайные мамыны слезы, замерзавшие тут же на полах полушубка.

Достигнув Енисейска, мама встретилась с ссыльными братьями. Был голод, и они посоветовали ей дожидаться освобождения папы здесь. Она остановилась в деревне Маклаково в 18 км от Енисейска, ныне город Лесосибирск. Поступила на работу в детский сад-ясли лесопильного завода сразу на три должности: сторожихи-истопницы, уборщицы и прачки. Дали комнату, мама была очень рада: дети при ней и в тепле! Почти круглосуточным трудом она могла заработать на пропитание и учить старшего сына в школе.

Этот год принес ей две утраты: девочка, рожденная в ссылке, не выдержала тяжелой зимней дороги, заболела и в середине лета умерла.

Затем из Канска пришло извещение о смерти сестры Степаниды, давней подруги, взявшей на воспитание нашу Веру. И снова — горькие слезы.

Наступила осень. В один из дождливых вечеров на крыльце, ведущем в кухню дедсада, появились долгожданный отец! "Миша, папа пришел!" — воскликнула радостно мама. Миша кинулся на шею отцу, а я стоял в изумлении: неужели это папа, которого мы так долго ждали?

Этой встречей завершилось десятилетие скитаний, скорбей, разлук.

НЕИМОВЕРНАЯ НАГРУЗКА

С возвращением к детям ссылка для папы еще не кончилась. Не было денег на дорогу для всей семьи, поэтому он поступил на работу плотником в колхоз, расположенный на противоположном берегу Енисея. С нами виделся только по выходным дням, иногда — реже.

Так прошла зима. В марте 1935 года последним санным обозом он перевез нас в Красноярск.

Поселились временно на Николаевской слободе в доме сестры Лидии Кренделевой. У них уже жила семья Пех. Потеснившись, они уступили нам одну из комнат.

Папа устроился плотником в контору, а по вечерам ремонтировал дома и дворы горожан, — ему надо было снова приобрести кров для своей семьи.

Летом освободилась комната в старой заброшенной городской бане, заселенной бездомными жителями. Переселившись в "новую квартиру", папа выдолбил каменный пол, настлал деревянный. В то время Веру уже привезли из Канска. Трое детей спали на полках, мама — на единственной железной кровати, а папа стелил постель на табуретках в проходе между столом и кроватью — такова была площадь этой хижинки с одним окном.

В сентябре я пошел в школу. Вскоре родилась вторая сестричка. В память умершей ее назвали Зинаидой.

Сейчас невозможно даже представить, какую неимоверную физическую нагрузку выдержал папа за первое полугодие жизни в Красноярске. Мозолистыми руками он зарабатывал средства для приобретения мало-мальски сносного жилья для семьи, и Господь помог ему в этой великой нужде. Осенью того же года он купил "дом" на правом берегу Енисея. Это была завалюшка с набивными землей стенами и деревянной крышей. Окно, выходящее на улицу, упиралось наличником в землю. Два других — выходили во двор. О фундаменте в таких хижинах не могло быть и речи.

Все хозяйство предусмотрительный папа оформил на маму. На свободе ему осталось жить считанные месяцы, и он предчувствовал это.

В Красноярске к тому времени было три общины. Пресвитера Ивана Алексеевича Белкина неоднократно вызывали местные органы и возмущались: почему он допускает к проповеди папу, "ведь он лишен права голоса"?! Иван Алексеевич не подчинился запрету и осенью 1935 года был арестован.

НОЧНОЙ СТУК

После праздника Пасхи, в ночь на 28 апреля 1936 года, к нам постучали. Отец вышел в сенцы:

— Кто там?

— Откройте, мы из ГПУ. Будем делать обыск.

— Что вы будете искать?

— Оружие.

До самого рассвета (трое или четверо, не помню) искали. Только оружием, как после выяснилось, они называли Слово Божье — Библию, Евангелие, журналы "Христианин", сборники духовных песен и брошюры религиозного содержания. Связали их в две большие стопы. Протокол об изъятии, как мне помнится, не писали.

Отец попросил разрешение выйти в туалет. У него в кармане пиджака был Новый Завет с Псалтирем. Он незаметно положил его на полку. Из всех духовных книг только она и уцелела после обыска. Вернувшись, папа улыбся и долго утирался полотенцем. "Уж я-то знаю, почему он так долго утирался", — вспоминала со слезами мама.

— Вы арестованы. Берите связки книг и следуйте за нами! — приказали сотрудники ГПУ.

— Разрешите помолиться, попрощаться с семьей.

— Молитесь, только недолго. Нам некогда ждать.

Папа преклонил колени, а вместе с ним и мы. Себя и нас он вручил Господу.

Папа часто брал меня на собрания и подарил Евангелие от Матфея, но при обыске забрали этот бесценный подарок. Мне было горько, что о самом близком человеке не осталось никакой памяти. Но самой большой тяжестью была разлука с любимым отцом.

После окончания следствия его послали работать в тюремном хозяйстве. Мы иногда видели его издали, но разговаривать не могли. В письмах он сообщал, что никакой вины за ним нет и он вскоре будет дома.

Осенью пришло решение Особого совещания из Москвы: десятки проповедников из двух Красноярских общин, в том числе и папу, приговорили к трем

годам ИТЛ, а брата И. А. Белкина — к пяти. Братья издали показали нам на пальцах: "3" и "5". Мы все поняли.

Папу этапировали в Мариинск.

ДОЛИНА СЛЕЗ

Для мамы на 32-м году жизни началась долина слез, нужды, лишений и тревог: четверо деток (двое школьников), специальности — никакой, а кормилец отнят навсегда. Кто ей поможет? К кому обратиться, ведь таких семей верующих — не перечесть! Оставшиеся на свободе братья, пережив голодные 1933—1934 годы, едва сводили концы с концами. Помощь могла прийти только от Господа. Мама, как и прежде, все нужды и скорби приносила к Господу. А их было множество: необходимо найти работу, посещать папу в тюрьме, отправлять старших детей в школу, в то время как младших не с кем оставить дома.

Узнав о наших скорбях, приехали помочь мамина младшая сестра с мужем и дочерью и папин дядя — верующий дедушка Яков.

Мама поступила в больницу санитаркой. После дежурства в свободное время стирала чужим людям белье, белила комнаты, мыла полы, полола чужие огороды, окучивала там картофель. Когда, случалось, расплачивались деньгами, покупала продукты, молоко. Мяса у нас не было.

Летом 1936 года поселок, в котором мы жили, затопило. Домишко наш уцелел, а огород пропал. На следующий год наводнение повторилось.

Мамина сестра завербовалась с мужем и уехала в Игарку. С нами остался дедушка Яков. Он делал березовые коромысла и продавал на базаре. На вырученные деньги кормился сам и частично помогал нам. Мама радовалась и благодарила Бога, что в доме есть человек, который присматривает за детьми.

ПРИБИЛСЯ К СТРАДАНИЯМ

Дважды мне посчастливилось быть на свидании у отца в Мариинском лагере. Первый раз с мамой, второй — со старшим братом. Папа был расконвоирован, жил под надзором часового за зоной, в землянке, вместе с неверующим

заключенным. Плотничал. Уходить далеко им не разрешали. Начальство не знало, что мы жили с отцом и ели тюремный хлеб. Когда были проверки, отца предупреждали, и мы прятались в бурьяне. Так с детства Бог приобщал меня к страданиям.

Прощаясь, папа подарил мне школьную сумку для учебников и сделанный своими руками деревянный чемоданчик и балалайку. "Только христианские гимны играйте!" — завещал он.

Сам он играть не умел, но при расставании спел нам (произвольно аккомпанируя) один из любимых гимнов: "Страшно бушует житейское море..."

До апреля 1938 года папа присылал письма, затем переписка прекратилась. Мама послала запрос о нем. Через время пришла повестка явиться в районное отделение НКВД. Она взяла меня с собой, чтобы, если арестуют, знать, где ее искать.

— Вы подавали запрос?

— Да.

— Ваш муж, Батурин Егор Степанович, сослан в дальние лагеря без права переписки и свиданий.

Мой отец умер 17 марта 1941 года от истощения, — так мне официально сообщили 17 лет спустя. Позднее я обнаружил, что дата его смерти совпадает с мученической кончиной многих верных служителей Божьих, жизнь которых оборвалась в полной неизвестности. Печальное совпадение, — но оно обернется радостью в день пришествия Господа. Как славно это утешение!

ВДОВА

Еще в 1937 г. арестовали жену служителя И. А. Белкина, Марию Васильевну, и других сестер. Мама не без основания опасалась, что и ее может постигнуть та же участь. Что будет с детьми?

К тому времени от непосильного физического труда здоровье ее резко ухудшилось: пришлось сделать операцию. Знакомые медработники из сострадания перевели ее в контору больницы статистом — переписывать истории болезни. Материальное положение семьи резко ухудшилось.

Практиковалась тогда "доброволь-

ная" подписка на государственный заем, иногда даже на месячную зарплату. Главврач больницы была очень жестокая. На маму она смотрела как на врага народа. При очередной подписке мама попросила бухгалтера оформить на меньшую сумму. Услышав это, главврач закричала: "Если не хочет подписаться на весь оклад, — уволить с работы!" Мама со слезами подчинилась.

Вскоре без отрыва от работы она окончила полугодовые курсы медсестер в надежде, что это улучшит материальное положение семьи. В школе уже учились трое, всех нас надо было одеть, обути, прокормить, а зарплаты едва хватало на хлеб.

Несмотря на материальные заботы, лежащие на вдовьих плечах, мама многу времени уделяла нашему воспитанию. Внимательно следила за учебой, прививала культуру речи, уважительное отношение к старшим, предостерегала от сближения с хулиганами. Долгими зимними вечерами при свете керосиновой семилинейной лампы она рассказывала о своем детстве, юности, приводила поучительные примеры из жизни друзей и знакомых, часто вспоминала об отце-узнике.

В нашей единственной комнате, отгороженной от кухни дощатой перегородкой, висел текст, отпечатанный в типографии: "Господь — оправдание наше". На другой стене висела картина "Святое семейство". На ней изображены: Иосиф с рубанком за столярным верстаком, Мария за веретеном и подросток Иисус, работающий на полу с долотом и молотком. Мы понимали, что у нас есть что-то общее со святым семейством — ведь наш папа был плотником и столяром и, подобно Иисусу, тоже причтен к злодеям.

Зимой, в свободное от работы время, а летом, идя дорогой с пашни или из леса, мама учила нас петь христианские гимны и детские песни. Дома, сопровождая пояснениями, читала Евангелие, журнал "Христианин", настольный календарь за 1928 год, "Путешествие пилигрима". В нем нам особенно нравилась вторая часть — "Христиана и ее дети". Перед сном вместе молились.

На балалайке, подаренной отцом, научила нас играть христианские песни.

Вспоминая об отце, мы часто пели: "Папа, мой папа, иди же домой...", "Ночь над городом царила...", "О нет, никто во всей вселенной..." (любимый папин гимн) и другие.

БЕЗ КРОВА

В канун 1 мая 1941 года в Красноярске снова разразилось стихийное бедствие: во время ледохода на Енисее образовались ледяные заторы высотой более 30 метров. Река вышла из берегов и затопила несколько лесозаводов и близлежащих поселков. Для многих жилых домов наводнение было катастрофическим. Несущиеся с большой скоростью огромные льдины пробивали насквозь дощатые стены насыпных строений. Вода вымывала глубокие ямы и обрушивала в них убогие жилища. Наводнение длилось около месяца и принесло нам непоправимый ущерб: хижина наша разрушилась, мы остались без крова.

Началась война. Мама работала в той же больнице медцинской сестрой. Материальная жизнь становилась все труднее. Миша, окончив семилетку, поступил в фельдшерскую школу. Расходы на него резко возросли. Постепенно наступал голод.

Дедушке Якову шел 85-й год, он упал в лесу и получил тяжелую травму, стал нетрудоспособным. Чтобы не обременять семью узника, он стал жить подаянием. Заветной его мечтой было дожидаться Гошу (моего отца), а потом спокойно умереть. Старец не знал, что любимого племянника уже не было в живых.

Летом 1942 года верующий брат, отец большой семьи, живший по соседству, посоветовал маме переехать вместе с ними в село Партизанское. Он полагал, что маме там будет легче прокормить нас, но этот переезд привел нашу семью к полному обнищанию. Я работал с мамой в колхозе и на огородах у людей, чтобы заработать картофель на зиму. Платили по одному ведру на человека в день.

В конце осени, недоучившись в фельдшерской школе, приехал из города Миша. На пятерых едоков заработной платы картошки хватало только до

февраля. Хлеб получали по карточкам. Трое работающих — по 500 граммов, а дочери-иждивенцы — по 300.

В свободное от дежурства время мама нанималась копать землю и нередко, обрабатывая чужой огород, голодная, ела попадавшиеся коренья. И тут случилась беда: ей попал какой-то ядовитый, похожий на морковь, корень, и она отравилась. Яд повлиял на нервную систему. Медицинской помощи ей никто не оказал. Господь сохранил маме жизнь ради малых детей, но следы отравления остались на всю жизнь.

БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ

Трудно определить, когда я сделал первые шаги навстречу Господу. Вне всякого сомнения, сказалось христианское воспитание. Каждый день утром и вечером мама собирала нас на молитву.

Однажды она ушла на дежурство, и мы уснули не помолившись. Ночью я пробудился от страшного сна. "Это потому, что я не помолился", — пришла первая мысль. С тех пор я никогда не забывал молиться.

Подростком я сдружился с неверующими соседскими мальчишками, пробовал курить и даже выпивать. Воровал у бабушки из кармана деньги. Меня уличили — пришлось просить прощение. Курил и старший брат.

Мне особенно запомнились горькие слова мамы: "Дети, мне гораздо легче перенести разлуку с папой, чем знать, что вы курите..." Я очень любил отца и маму, и это удерживало от многих нехороших поступков.

Ранней весной 1943 года я поступил в школу ФЗО в Иланске, поселился в общежитии. Здесь мои сверстники пили грех как холодную воду, но надо мной уже была невидимая охрана и чья-то заботливая рука удерживала от всякого зла.

До училища приходилось идти два с половиной километра. Я выбирал тропинку на окраине поселка, дорогой молился, пел псалмы. Господь посещал мое сердце благодарным миром. С тех пор молитвы мои были постоянными. Потом я разыскал верующих, стал посещать собрания.

Летом приехал на побывку к маме и рассказал, что посещаю собрания, молюсь. Для нее это было самой большой радостью — ведь она воспитывала нас в мрачные годы, когда молитвенные дома были закрыты. Бог услышал ее молитвы, а так же и отца-мученика за дело Евангелия: я был первым сыном, который сознательно стал на путь истины. Помню, как в те радостные дни мы шли с мамой с сенокоса и пели: "Радость, радость непрестанно..."

**"ТЫ... ГОСПОДИ БОЖЕ, УПОВАНИЕ МОЕ ОТ ЮНОСТИ МОЕЙ" (Пс. 70, 5).
Красноярск, 1946 г. Н. Г. Батури́н.**

К СВЯТЫМ — ВСЕ ЖЕЛАНИЕ МОЕ!

На Рождество 1943 года я и девочка-подросток помолились вслух в собрании. Я не придавал этому особого значения, а пожилой брат, хозяин дома, где мы собирались, подчеркнул: "Сегодня впервые помолились двое. Господь слышал их молитвы покаяния..."

Весной 1945 г. одним из первых я заявил на крещение, а летом уехал помогать маме косить сено. В одно из воскресений должно было состояться испытание желавших принять крещение, а я не мог выехать — покос. С какими слезами молился я Господу, чтобы Он принял меня в Свою Церковь и помог приехать на испытание! Тогда я почувствовал, что произошло рождение свыше.

И вот я решил оставить все, ехать с младшей сестренкой в Красноярск. До станции шли 40 км. После дождей кругом — непролазная грязь. За плечами у нас была ноша: кое-какие продукты. Как мы ни торопились, а на поезд опоздали. Я попросил машиниста товарного поезда взять нас. Пообещал расплатиться кедровыми орехами. Прямо в Красноярск мы не могли ехать — там ловили таких "зайцев" безбилетников, тем более с паровоза! А на нужной нам станции товарные поезда не останавливались. Попросил: "Приторможите, мы спрыгнем на тихом ходу..." А сам всю дорогу молился, чтобы Господь помог попасть в церковь на испытание. Но машинист забыл, и станцию Злобино поезд пролетел мимо.

Для меня уже не так страшно было попасть в Красноярске под штраф, как хотелось успеть в собрание. Сердце мое стремилось к народу Божьему. Я не понимал, почему так произошло с нами в пути, но расстраивался напрасно. Господь сделал то, о чем я и не мечтал: неожиданный поезд замедлил ход и остановился как раз там, где был молитвенный дом! Мы сошли. Я оставил сестру с вещами и побежал на собрание, — а там уже шел прием в члены церкви! Подошла моя очередь. Братья поинтересовались, как я доехал. Я рассказал о милости Божьей.

Желающих вступить в завет с Господом было 40 человек молодежи, в числе их был и я. Крестили нас 3 октября, ночью, на Енисее. Вода была холодная, но мы этого не чувствовали. Пресвитер прочел пожелание, оно запомнилось на всю жизнь: "Ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная" (Рим. 6, 22).

Н. Батурин (1-й ряд второй слева) и сестра Валя, будущая жена Николая Георгиевича (2-й ряд третья справа), среди христианской молодежи г. Красноярска. 1943 год.

МОЙ ПЕРВЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

После войны Красноярская община за счет притока молодежи и студентов увеличилась до трехсот членов и превысила численность трех общин, закрытых в 1936—1937 годах. Это сильно обеспокоило органы МГБ. Они стали вызывать многих молодых верующих на тайные беседы; запугивали, стремясь выявить наиболее активных из числа молодежи, но в основном интересовались мной. В то время я проповедовал, пел в хоре, ревностно участвовал в духовной жизни молодежи. Гонителям хотелось во что бы то ни стало изолировать меня. Они пытались убедить братьев и сестер, что я потому только и уверовал, чтобы отомстить за репрессированного отца.

В августе 1949 года приговорили к 25 годам лишения свободы руководителя нашей общиной. Из молодежи арестовали сестру и брата. Меня взяли прямо с завода (я работал конструктором). При обыске в нашем доме изытали всю духовную литературу и любимую картину "Святое семейство".

В церкви я пробыл всего три го-

да. В тюрьме мне исполнился 21 год. Два с половиной месяца я находился во внутренней тюрьме Красноярского управления МГБ. Следствие велось на уровне особо опасных контрреволюционных преступлений. Допросы вели в основном ночью, а днем спать запрещали. Это очень изнуряло. Если сидя задремлешь, угрожали карцером. Из арестованных я был самой молодой.

Как вести себя в заключении, я не знал. Слышал от мамы, что братья, как только попадут в узы, сразу преклоняют колени и молятся, чтобы Господь благословил первые шаги в неволе. Так я и делал. Надзиратели криком и руганью пытались прервать мои молитвы, но я не отступал.

Первого следователя по моему делу, старшего лейтенанта Голощапова, сильно раздражали мои простые ответы: "Я христианин и кроме служения Богу ничем не занимаюсь". — "Мы тебя стащим с неба на землю!" — кричал он.

За долгие годы неволи я убедился: единственная цель преследований — столкнуть христиан с истинного пути Божьего, "свести с неба на землю".

Обвинительное заключение было сформулировано так: "Подсудимый Н. Г. Батурин не пел советских песен, не читал советскую литературу, не посещал кино, театров и клубов. Напротив, читал и проповедовал Евангелие, посещал собрания баптистов, пел религиозные песни, воспевал загробную жизнь, и тем самым отвлекся сам и других отвлекал от общественно-политической жизни, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. 58, пункт 10, часть II — антисоветская агитация, и пункт 2 — групповая".

Красноярский краевой суд, по-видимому, не принял это дело к производству и направил его в Москву. Особое совещание при МГБ СССР в феврале 1949 года вынесло приговор: троим обвиняемым — по десять лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях.

Из внутренней тюрьмы МГБ меня перевели в общую. Стало полегче, потому что здесь находились в основном политические заключенные, арестованные в 1937 году. Многие отсидели уже по 10 лет и были осуждены вторично.

СПЕЦОБЪЕКТ

Из Красноярской тюрьмы меня отправили в небольшую подмосковную тюрьму (150 человек) на спецобъект, где в экспериментальных мастерских и лабораториях работали техники, механики-слесари, инженеры и даже профессор.

С первого дня я попросил у начальства разрешения получить Библию. "Хорошо, я доложу", — пообещал оперу-полномоченный.

В одно из воскресений меня вызвали на рабочий объект (он был рядом с тюрьмой). Пригласили в кабинет. Захожу — сидит подполковник. Как я понял, он ожидал, что по такому вопросу его беспокоит какой-то солидный человек, а тут — мальчишка.

"Как ты посмел?! — рассвирепел он, — Библию тебе надо! Да знаешь ли, что я могу сослать тебя туда, где будешь камни воровать?! Читай, что есть в библиотеке!"

Однажды после отбоя заключенные

от скуки затеяли игру в азбуку Баркова: каждый должен рассказать на любую букву алфавита какой-нибудь грязный анекдот. Стоял дикий хохот, и, казалось, этому не будет конца. Когда дошла моя очередь, я, на удивление всем, сказал: «Я тоже вам расскажу на букву "Г" и "Я"». Смех на минуту затих. Все ожидали, что же я, как христианин, смогу сказать им. Спокойно, делая ударение на каждом слове, я процитировал место Священного Писания: "Гортань их — открытый гроб... яд аспидов на губах их" (Рим. 3, 13).

В ответ — ни звука, ни улыбки! Все притихли, как от внезапного раската грома. Отвратительная игра оборвалась... В наступившей тишине я склонился на колени и воздал славу Господу за то, что Слово Его сильно заграждает нечестивые уста (Рим. 3, 19).

Примерно через год я "провинился": сдружился с заключенным и он уверовал. За мной установили слежку. Выкрали тетради со стихами и духовными псалмами. Выписки из тетрадей оказались у оперуполномоченного. За "агитацию" хотели возбудить новое дело, но что-то не получилось, и в марте 1950 года отправили в Воркуту.

ЗАПОЛЯРЬЕ

Везли через Бутырскую, Лефортовскую тюрьмы, затем в "телячьих" вагонах на Вологду.

В этапе заключенные узнали, что я верующий.

— Ты что, даже ругаться не умеешь? — удивлялись.

— Не умею.

— Ни одного дня ты не сможешь прожить в лагере!

Дорога была трудной, мучил холод (в Вологде была весна, а в Воркуте — зима), но Бог меня не оставил. К тому же послал радостную встречу с двумя братьями — с пресвитером и проповедником из Новочеркасска.

Прибыв на место, мы нашли еще двух христиан-узников. У брата с Западной Украины была Библия! Читали ее по очереди, я много переписывал.

Воркутинские лагеря отличались некоторой свободой: работники оперчас-

ти никого не вербовали, братья-узники могли общаться. Совместные молитвы и пение служили для меня ободрением.

Но с начала 1952 года режим ужесточился. У меня отняли Библию. Тогда я стал переписывать Евангелие, сохранившееся у православных.

Узников освобождали без права выезда. Устроившись жить неподалеку от лагерей, они помогали томящимся в неволе. Первый пресвитер воркутинской церкви, Григорий Иванович Ковтун, по окончании срока был заведующим лесным складом в рабочей зоне лагеря. Там мы с ним встретились. Какая это была приятная встреча! Он ободрил меня, узнал нужды мои и других узников, сердечно всех приветствовал.

Другой освободившийся брат-шофер часто заезжал в зону, передавал духовную литературу и даже журнал "Баптист Украины".

В годы разлуки мама поддерживала меня ободрительными письмами. Иногда присылала продуктовые посылки (на них в те годы не было ограничений, зато и посылать было нечего). О свиданиях в то время не приходилось и мечтать.

ЧУДО МИЛОСТИ БОЖЬЕЙ

Осенью 1953 года после операции меня посетили в больнице братья-узники, среди них — Данил Данилович Петерс, осужденный, как и мы, за веру в Господа, но на 25 лет! Лицо его было, радостным, взгляд — кротким.

Вскоре мы сдружились. Делились радостями и скорбями, читали записи из Библии, письма от родных. По письмам я познакомился с его детьми и даже сохранил тетрадь с их пожеланиями дорогому отцу-узнику.

Последние месяцы перед концом срока мы спали на одних нарах: он работал в столярке в третью смену, а я на заводе — в первую.

В лагере было до шести тысяч политических заключенных. В 1950 году он стал режимным — только для осужденных по 58-1 статье. Но в 1955 году политических расформировали, и лагерь заполнили уголовниками.

В день моего освобождения, 28 сен-

тября 1955 года, политические (их осталось около двухсот) поссорились с уголовниками: кто-то без очереди хотел получить завтрак. Началась драка, пошли в ход табуретки. Их кое-как разняли и увели на работу.

Уголовники затаили вражду и вечером подождли бараки политзаключенных. Окна были зарешечены и людям приходилось спасаться через единственную дверь, а здесь их избивали ломиками, булыжниками, палками.

Охрана пыталась разогнать рассвирепевших, но безуспешно. Толпа стала отступать на запретную зону. Солдаты кричали часовым, чтобы не стреляли, но те открыли огонь и убили семь солдат и более 30 заключенных, около 70 ранили.

Во время этой трагедии я был первый день на свободе и ночевал рядом с лагерем в избушке ссыльного брата Янцена. Он купил себе новый дом в Воркуте, а этот отдал мне, так как я был освобожден без права выезда и ожидал родных.

Утром вижу: заключенные, с которыми я жил в бараке, сидят окруженные конвоем за зоной. Спросил, в чем дело. Они рассказали. Сразу защемило сердце: меня-то Господь спас, а брат мой, Данил Данилович, остался там... Что с ним, жив ли? Но тут сознание посетила утешительная мысль: нет, он не попал туда, потому что вечером ходил на курсы кройки и шитья. Так оно и было. Сгорели только его вещи, которые он приготовил для освобождения.

Если бы я остался в зоне еще на одну ночь, то, возможно, живым оттуда не вышел. Господь чудесным образом сохранил меня и брата от явной смерти.

В ВОРКУТИНСКОЙ ЦЕРКВИ

Здоровье мамы было окончательно подорвано, она стала инвалидом второй группы.

Радуюсь моему освобождению, она все же не в состоянии была одна приехать ко мне. К счастью, сопроводить ее согласилась моя невеста, с которой я переписывался в последнее время. Маме не суждено было дожидаться из за-

ключения мужа, но на 51-м году жизни Бог послал ей дорогую встречу с сыном-узником!

Воркутинская церковь, состоявшая в основном их бывших узников и ссыльных (русских, украинцев, немцев), дополнила нашу радость теплым вниманием и заботой. Какое в ней царило единодушие! Свобода во Христе, духовное единство и любовь детей Божьих друг ко другу были отрадой для наших утомленных разлукой душ. Невозможно передать словами восторженного чувства благодарности Богу, переполнявшего наши сердца. После семилетних уз, где прошла вся моя молодость, Господь дал мне отдых в этой живой общине, укрепил духовно.

Узники, уверовавшие в лагерях в те суровые годы, освободившись, охотно вступали в завет с Господом; их было много! Я был очевидцем тех благословенных крещений!

У кого были семьи, с нетерпением ждали приезда жен, детей. Некоторые, в том числе и я, женились. Церковь взяла на себя заботу об устройстве нашего брака. Целый год мы прожили в дорогой нам общине. В Воркуте у нас родился первый сын. Когда сняли ограничение на выезд, мы покинули Заполярье, где я отбыл день в день семь лет.

ИЗ ИСТОРИИ ШАХТИНСКОЙ ЦЕРКВИ

Угодно было Господу избрать местом нашего жительства город Шахты (бывший Александрово-Грушевск) Ростовской области.

Община баптистов организовалась там еще в 1908 году. В 30-е годы пресвитером этой церкви был Боровиков, а в церкви евангельских христиан — Ковалев. В 1937 году оба молитвенных дома закрыли, репрессировали более ста братьев,— почти все они умерли в узах.

В начале войны богослужения возобновились, а в 1945 году община зарегистрировалась и стала принадлежать ВСЕХБ. Пресвитер в вопросах внутрицерковной жизни подчинялся уполномоченному. В 1956 году я, мама и жена Валя стали членами зарегистрированной общины (независимых церквей в те годы не было). Наиболее радушно нас приняла часть церкви, состоявшая из узников, уцелевших в годы гонений, и тех, чьи отцы за верность Господу не вернулись из тюрем и лагерей.

На первой встрече с шахтинцами я рассказал о жизни незарегистрированной Воркутинской церкви. Мы помолились, спели. Хотели расходиться, и тут пришел пресвитер. Стал возмущаться: "Зачем собрались? Как вы посмели нарушить закон?!"

Духовной свободой, в которой Христос завещал стоять, в Шахтинской церкви в те годы уже не было. Многие стеноли от угнетений человеческих, искали живого общения и собирались по квартирам.

Вскоре после нашего приезда организовался кружок по исследованию Священного Писания. Любители изучения Слова Божьего входили одновременно и в молитвенную группу, которая с постом по пятницам приносила Господу нужды церкви.

Евангелия Марка и Иоанна мы изучали сначала по пособиям, а потом сами стали готовить уроки. Вел их в основном я и некоторые братья-проповедники. Беседы проходили оживленно, молодежь заметно ободрилась. Но где бы мы ни собрались, пресвитер обязательно узнавал и тушил этот

малый огонек угрозами и запретами.

В церкви я проповедовал, в лучшем случае, раз в неделю, а иногда и по полгода не давали слова. Братья и сестры хотели слушать меня, просили пресвитера об этом, но он редко уступал.

Было время, когда с разрешения пресвитера я перед началом собраний читал замечательную книгу И. В. Каргеля "В каком ты отношении к Духу Святому?". Это послужило большой духовной поддержкой для верующих. Затем, уже без предварительного согласования, я прочитал письмо узника, который сокрушался об отступлении церкви от Господа. Пресвитер и братский совет огорчились: "Этим письмом ты бросил тень на Шахтинскую церковь и считаешь ее не в должном состоянии". Мой поступок долго разбирали, потом, наконец, помиловали и допустили к проповеди.

Прошло немного времени и я снова "провинился": поехал в отпуск в Краснодар и передал от церкви привет.

— Как ты посмел? — выговаривал пресвитер.

— Некоторые друзья знали, что я еду в гости, и просили об этом.

— Все равно нельзя.

Постепенно сужались рамки в деле служения Господу по Евангелию. Не допускали детей на богослужения. В нашей общине это дело приказали выполнять пожилой сестре-придвернице. Сколько было загублено детских душ!

Забегая наперед, я с благодарностью Господу хочу отметить, что в пробужденном братстве детям с первых дней было уделено особое внимание. Все родители, в том числе и я, старались постоянно брать детей на собрания. Помню, моих мальчиков на каждом богослужении переписывали, — они чаще всех попадались на глаза милиции. Поэтому во время моего второго ареста милиционер не мог удержаться и бил меня кулаком в лицо. Привел в отделение и там перед офицерами еще раз ударил: "Будешь знать, как водить детей на собрания".

Вернувшись из второго заключения, я очень обрадовался, что в нашей церкви был уже детский струнный оркестр, позже — молодежный хор.

А сейчас лицо церкви совершенно изменилось: старушки и старички уются на скамеечках сзади, а все помещение занимает молодежь.

ОПУСТОШИТЕЛИ ДЕЛА БОЖЬЕГО

С 1959 года атеисты вместе с отступившими от Бога работниками ВСЕХБ взяли курс на искоренение религии. Повсеместно под различными предложениями закрывали молитвенные дома. В конце 50-х годов старшим пресвитером по Ростовской области был Голяев. Он, как и многие служители официально-го центра, стал на путь сотрудничества с органами власти. Не отличали они, что кесарево, что Божье, и все святое постепенно уступили недругам. Перед уходом на пенсию Голяев посетил Шахтинскую церковь и заявил, что после него положение будет еще хуже.

Действительно, некто Евстратенко Иван Андреевич, сын известного работника в Союзе баптистов, действовал хуже Голяева. При его участии была закрыта дружная, живая община в Артемовском районе, — это был первый удар для верующих. В то время в одной только Ростовской области закрыли 14 общин! В самом Ростове отняли у верующих помещение.

Не лучше обстояли дела и в других местах. Один служитель рассказывал мне о страшном опустошении, постигшем Херсонскую и Николаевскую области. (В свое время там благословенно трудились такие подвижники Божьи, как Рябошапка, Ратушный и др.) При содействии старшего пресвитера Калужного были закрыты молитвенные дома почти во всех селах (в некоторых из них не было ни одного безбожника!).

Удивительно верующих старичков (чудом уцелевших в одной из таких деревень) не было предела, когда через пару десятилетий их посетила молодежь. "Неужели есть еще молодые христиане? Мы думали, что уже нигде нет церквей".

На одной из лекций представитель горкома партии говорил, что в феврале 1959 года вышло постановление Совета Министров СССР закрывать

культовые помещения под любым предлогом. Поднять на несколько сантиметров потолок в молитвенном доме, отодвинуть стены или использовать для ремонта стройматериалы лучшего качества считалось самым большим нарушением. Этого было достаточно, чтобы на двери молитвенного дома повесить замок.

В Шахтах после войны молитвенный дом оформили не на одного человека, а на общество. Пришло время его ремонтировать. Городские власти прислали пожарную и санитарную комиссии. Те дали заключение: "Дом в аварийном состоянии, на время ремонта должен быть закрыт".

Молодые служители предлагали сначала добиться разрешения на ремонт, а потом уже прекращать богослужения. Но пресвитер убеждал церковь: "Надо жалеть служителей, слушать начальство, а то нас арестуют". Верующие старушки, а их было большинство, проголосовали за его предложение, и молитвенный дом по улице Пролетарской, 62, опечатали. В 1959 году горисполком распорядился сломать дом вообще, — 300 человек остались без помещения для богослужений...

Первые полгода верующие не собирались, потом пресвитер предложил на хлебопремолнение ездить в ближайšie церкви: в Новочеркасск и в Новошахтинск. Молодежи это было под силу, а старушки плакали без общения.

Никогда не забуду, как в те годы мы приехали однажды в Новочеркасск и нам предложили съездить "Боже, услышь меня..." Это был единственный случай в моей жизни, когда плакал весь хор. "Боже, сжался надо мной, тьма греха гнетет меня. Поспеш на помощь мне и в мольбе не откажи, и ко мне будь милостив..." Это был вопль к Богу, все еле сдерживали рыдания...

ГЛАВНОЕ — СЛУЖЕНИЕ БОГУ

В то время как закрыли наш молитвенный дом, стали и меня ущемлять на производстве. Работая инженером-конструктором, я дважды попадал под сокращение. Один из начальников откровенно сказал: "Сколько ты нам

зла причиняешь! На всех лекциях мы убеждаем народ, что баптисты — темные люди, в науке ничего не смыслят. Но нам глаза колот: «А у нас проповедник — инженер!» — Все наши лекции идут насмарку!"

Последний раз по объявлению в газете я устроился конструктором в институт "Ростовгидрошахт". Проработал всего десять дней! Уволили, а в трудовой отметили: "Запись о приеме ошибочна".

Друг, с которым мы начинали работать, через несколько лет стал начальником отдела в проектной конторе. "И ты занимал бы меньшую должность!" — искушали меня.

Почему я останавливаюсь на этом? — Трудные это были годы для церкви. Бог — всемогущий, но мы, дети Его, очень ограничены, и Ему не так легко объяснить нам, что главная цель жизни христианской — служение Господу. Все остальное: жилье, учеба, работа, хозяйство, — это самое что ни на есть второстепенные вещи. У многих христиан получается наоборот: торопятся устроить личную жизнь, приобретают дома, машины, а делу Божьему отдают остатки времени, сил и крохи средств. Эту истину и я понял не сразу. Если бы меня повышали по работе, а это приятно для плоти, то я не мог бы так смело вступаться за дело Божье.

В 1960 году пришлось полгода не работать и только в 1961, с помощью верующего брата, устроился на завод слесарем по самому низкому разряду с зарплатой в 70 рублей, несмотря на то, что у меня был пятый разряд слесаря-вагонника.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ

За месяц, проведенный мной в поисках работы, братья и сестры устали от поездок по соседним общинам и, несмотря на запреты, решили все же проводить богослужения по домам.

Хористов у нас было много. Регентское служение несла сестра Коломийцева Лидия Ивановна. Ее отец был мучеником за дело Евангелия и, как сотни служителей, арестованных в 37-е годы, не вернулся из уз.

Собрания уже шли, а наши старшие братья из-за страха не приходили. Рукоположенного диакона еле уговорили совершить Вечерю.

Благословенно прошли в нашей отделенной общине первые похороны. Служение впервые шло при большом стечении народа. Прямо на улице пели, молились, проповедовали, призывали к покаянию, — свидетельство о Господе было большое. После похорон на этой, некогда глухой и заброшенной улице, безбожники устроили киноплощадку и бесплатно показывали фильмы.

Радовались мы и первому крещению. Богослужения проходили в разных районах города в частных домах верующих.

Так при благословении Господнем налаживалось самостоятельное служение, и община крепла. Постоянно посещали богослужения человек сто. Руководящим избрали меня.

Постепенно вокруг нас стали группироваться и другие общины, у которых также закрыли молитвенные дома. Вскоре милиция начала разгонять наши собрания, отнимать духовную литературу, штрафовать.

ЗАРЯ МИЛОСТИ ГОСПОДНЕЙ

В августе 1961 года над истомленным народом Божьим в нашей стране возшла заря милости Господней — началось благословенное духовное пробуждение! Инициативная группа разослала братские послания по всем общинам. Шахтинская церковь восприняла призыв к очищению и освящению как от Самого Господа и включилась в ходатайства о созыве съезда.

Из "Второго послания" Инициативной группы мы узнали, что ВСЕХБ издал "Инструктивное письмо старшим пресвитерам" и "Положение 1960 года", которые были направлены на разрушение дела Божьего в нашей стране. С их выходом официальная закреплялась ранее внедряемая практика: детей и молодежь в церковь не допускать!

Мы радовались, что Господь вывел нас из этой греховой зависимости и мы не исполняли богопротивных постановлений: молодежь и дети вместе

с нами славили Господа в собраниях.

Нашу общину стали посещать слушатели Инициативной группы; они пригласили братьев нашей церкви на свои совещания. Первые радостные встречи проходили в Макеевке, в Харькове.

В конце 1961 г. Бог позволил мне посетить совещание в Ростове. Здесь я впервые познакомился с дорогим нашим братом Геннадием Константиновичем Крючковым. Приехал я на общение с опозданием. Для меня оставили место рядом с ним.

Первое впечатление от встречи (оно осталось таким до сего дня): у брата особая одаренность и мудрость от Господа, глубокое знание Священного Писания. О чем он говорит, что советует, принимает, — все в согласии с волей Божьей, всегда обосновано Священным Писанием и соответствует Духу Святому. В проповеди чувствуется не человеческий авторитет и власть, а особая духовная сила. Слава Богу, мое мнение оказалось верным.

Поскольку в Шахтинской общине налаживалось независимое служение, братья Инициативной группы посоветовали подготовить достойных к рукоположению. С постом и молитвой членское собрание подошло к этому вопросу и рекомендовало меня и еще одного брата на пресвитерское служение и некоторых на диаконское. В июне 1962 года рукоположение совершил член Оргкомитета, брат-старец Александр Афанасьевич Шалашов, который в прошлое время нес служение благовестника в Волго-Камском Союзе баптистов. Челябинская община, где он был пресвитером, в 60-е годы одна из первых горячо откликнулась на призыв Духа Святого.

Благословляя нас на служение, он пожелал верности до смерти, так как предчувствовал, что гонения не замедлят прийти.

В 1963 году служители Оргкомитета послали Александра Афанасьевича на лжесъезд ВСЕХБ зачитать обличительное письмо. Но его даже не пустили в помещение. Простояв несколько часов под дождем, он вынужден был уйти ни с чем. После серьезно заболел, не мог больше совершать служение и поехал домой. Геннадий Константинович с не-

которыми служителями провожал его. И Александр Афанасьевич и он чувствовали, что видят друг друга в последний раз. До отправления поезда оставались считанные минуты, братья вышли на перрон. Александр Афанасьевич на стекле вагона написал последнее пожелание "1 Петра 5, 1—2": "Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзираая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно..."

В мае-июне 1962 года на совещании Оргкомитета было решено собрать от церкви документы, подтверждающие многолетнюю антиевангельскую деятельность служителей ВСЕХБ. Это сделать было нетрудно, так как народ Божий истомился от разрушительной работы отступников.

Через два месяца Оргкомитет располагал достаточным количеством заявлений, скрепленных сотнями подписей верующих, которые были очевидцами падения работников ВСЕХБ. На совещании Оргкомитета в Москве был подписан Седьмой протокол об отлучении потерявших свое достоинство служителей ВСЕХБ, где стояла и моя подпись.

Осенью 1962 года во время отпуска я помогал Геннадию Константиновичу готовить годовой отчет о работе Оргкомитета.

7 ноября 1962 года в Новосибирске я ознакомил с ним служителей Сибирского объединения. Здесь впервые я встретился с преданными Господу братьями: Д. В. Миняковым, П. Ф. Захаровым, а также с почтенным старцем Андреем Исааковичем Жилиным, сосланным сюда с Украины. Затем я посетил в Красноярском крае ссыльных братьев, среди которых был П. В. Румачик. Сколько было радости и благодарности Богу у братьев, когда они прочитали годовой отчет Оргкомитета!

Органам власти, разумеется, стало известно, что я являюсь членом Оргкомитета, подписал документ об отлучении ВСЕХБ, совершаю духовное служение в пробужденном братстве. Меня обвинили в тунеядстве и согласно майскому Указу 1961 года, который распространялся на служителей

незарегистрированных общин, приговорили к году ИТР с вычетом 20% из зарплаты. Вместе со мной из нашей общины осудили шесть братьев и три сестры. 13 декабря 1962 года состоялся повторный суд — дали пять лет высылки в Иркутскую область.

"ИДИ С БОГОМ!"

Отправляя меня на высылку из Новочеркасской тюрьмы. Дежурный офицер спросил:

— А тебя за что?

— Я верующий в Бога, ссылают за проповедь Евангелия.

— Ну тогда иди с Богом!

Перед этим я был в подавленном настроении: дома осталась старенькая мать, жена с четырьмя детьми (меньший — грудной); в тюрьме я простудился, поднялась высокая температура. Но, услышав такое напутствие, воспрянул духом: Господь со мной, а я с Богом! Теперь дальний этап не страшен.

Иркутская тюрьма встретила сорокаградусными морозами.

Летом 1963 года жена во время отпуски вместе с детьми и моей мамой приехали ко мне в далекую высылку, в село Старый Бельчир. Годовалого Алешу везли в кабине грузового автомобиля от самого Иркутска. Мама, старший сын Ваня и Алеша (он еще не ходил) остались со мной на зиму.

Я работал водителем и слесарем в гараже совхоза, жил в маленькой рубленой избушке с русской печью, где помещались две железные кровати и стол. Мама не могла нарадоваться возможности жить под одной крышей с сыном. Помогала по уходу за детьми.

Но радость общения была недолгой. Валентина получила перевод на работу по месту моей ссылки. Чтобы квартира в Шахтах не пустовала, пришлось маме с Алешей вернуться домой, а Валя со старшими детьми приехала ко мне.

Как и прежде, мама поддерживала меня молитвами, письмами.

ГОНЕНИЯ В ГОНЕНИЯХ

В 1963 году вышел первый номер независимого братского журнала

"Вестник спасения". Тираж ничтожно малый — 60 экземпляров, но даже это очень встревожило органы КГБ.

Когда распространили второй номер журнала, Иркутское управление КГБ сразу же дало санкцию на обыск у меня. К этому времени первый номер я передал ссыльному брату из Ростова, а второй — нашли, и после обыска увезли меня на допрос в КГБ. Интересовались: где печатается журнал, кто редактирует, принимаю ли я участие?

Вторично приезжали с обыском по случаю ареста Павла Фроловича Захарова. Он после похорон брата Хмары направлялся ко мне, но в Иркутске его задержали.

Меня увезли на допрос в Иркутск. Там целый день беседовал со мной сначала майор КГБ, проводивший у меня обыски (фамилию не назвал). В основном разговор велся на их излюбленную тему: "всякая душа да будет покорна высшим властям" (Рим. 13 гл.). Я особенно подчеркивал такие слова: "Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее". Смело говорил, что не боюсь их, потому что ничего худого в жизни никогда не делал, а за доброе дело христианин должен иметь поощрение со стороны власти, если она правильно осуществляет свои функции.

Во второй половине дня он направил меня в другой кабинет. "С вами до сих пор велась полуофициальная беседа, теперь — вполне официальная, — заявил новый товарищ. — Я — следователь П. Ф. Захарова, и буду задавать конкретные вопросы по его делу: где и когда последний раз вы встречались с Павлом Фроловичем?" Я молчал.

Он задал еще несколько вопросов, касающихся Павла Фроловича, а также журнала "Вестник спасения". Я по-прежнему молчал. Подписок никаких не давал.

БОЖЬИ ПУТИ ВСЕГДА БЛАГОСЛОВЕННЫ

Никакие противодействия внешних и официального центра ВСЕХБ не могли повлиять на стремление верующих следовать за Господом узким, но вер-

ным путем. Отступившие служители и их покровители были заняты одним вопросом: как остановить поток пробуждения в церквах? — И дали указание: отлучать всех, кто поддерживает ходатайство о съезде. Одновременно к верующим применяли Указ о тунелдстве, по которому ссылали служителей и проповедников незарегистрированных общин.

"Отлученные" организовывали общины. Гонения вызвали еще большее пробуждение в церквах, верующие не устали, а вдохновились на более ревностное служение Господу: невзирая на запреты, богобоязненные родители водили детей на собрания и воспитывали их в наставлении Господнем; не убила дух ревности в народе Божьем и конфискация молитвенных домов: каждый частный дом, где была хоть малейшая возможность проводить собрание, стал молитвенным.

Братские послания Инициативной группы, а затем и Оргкомитета по созыву съезда церкви ЕХБ, принимались на местах с радостью и вдохновляли на дальнейший труд и следование за Господом по тернистому пути.

В 1963 году ВСЕХБ получил разрешение на проведение Всесоюзного совещания, которое в первый же день было переименовано в съезд. ВСЕХБ не только не ходатайствовал о съезде, но и выступал против его созыва. По справедливости мы называем его лже-съездом, потому что, как я упоминал, инициаторов съезда даже не впустили в помещение. Для пробужденного братства и это видимое зло Бог обратил в добро: если раньше кто-то и сомневался в правильности отлучения ВСЕХБ, то, увидев подлинное их лицо, утвердился в верности решений Оргкомитета

Движение за очищение и освящение церкви было не человеческим мероприятием, его начал Бог. Поэтому ни тайные, ни явные противодействия не могли остановить стремление народа Божьего жить в свободе, которую даровал Христос. С уверенностью хочу сказать, что наше внутрицерковное движение уникально в том смысле, что Господь вывел наше братство на путь полной независимости церкви от

государства. Это, в первую очередь, соответствует духу Священного Писания и не противоречит требованиям основного закона страны. Только такой путь служения Господу — единственно верный.

КОНЕЦ ССЫЛКИ

В 1964 году, после мученической смерти в Барнаульском тюрьме брата Николая Хмары, приостановились преследования верующих.

В ссылке я пробыл два с лишним года. Там у нас родился пятый ребенок.

В марте 1965 г. мне сняли вторую половину срока и разрешили выехать на прежнее место жительства. Оба приговора по моему делу были отменены за отсутствием состава преступления.

Такие радостные вести в то время получили многие семьи узников.

По просьбе братьев я остался на некоторое время в Сибири для устройства дела Божьего. Находясь в ссылке, я помогал им и даже нелегально участвовал в братских совещаниях. Зная нужды объединения, я решил посетить некоторые общины и только через месяц, к Пасхе, вернулся в Шахты.

НА ПРИЕМЕ У А. И. МИКОЯНА

Несмотря на то, что в 1965 году многих осужденных за веру реабилитировали, в узах оставалось еще около 50 братьев и сестер, богослужения повсеместно разгоняли, верующих штрафовали, отнимали детей за религиозное воспитание.

Представители отдельных общин приезжали в Москву с ходатайствами о прекращении беззаконий, но если для некоторых мест это и приносило какие-то положительные результаты, в общем по стране преследования верующих нашего братства продолжались.

В августе 1965 года для встречи с Председателем Президиума Верховного Совета А. И. Микояном в Москву прибыла более представительная делегация, свыше 100 человек из 50 городов страны, состоявшая в основном из бывших узников и их родственников.

В течение недели каждое утро мы

собирались в Александровском парке (недалеко от Кремля) и к девяти часам шли в приемную Президиума, подавали заявление и ждали ответа. Нам отсылали в Совет по делам религий, в прокуратуру СССР, но мы отказывались идти туда, так как верующие неоднократно обращались во все эти инстанции и не получили объективного ответа. На четвертый день мы решили не уходить из приемной, пока наши ходатайства не удовлетворят, но прибывший наряд милиции силой вывел нас оттуда.

В пятницу, в посте и молитве, мы снова пришли в приемную. Заведующий сообщил, что Анастас Иванович Микоян соглашается принять 3—5 человек через месяц, 24 сентября. Для окончательного согласования даты приема предложил приехать на два дня раньше.

Мы подготовили документы о гонениях и 22 сентября прибыли в полном составе: Н. Г. Батурин, П. А. Якименков, В. И. Козлов, И. Бондаренко и член Совета родственников узников — Лидия Говорун (у нее тогда за религиозное воспитание отняли сына).

Произошло то, что мы и предполагали: в приемной нам сообщили, что Анастас Иванович может принять только сегодня, 24-го он улетает. Они, видимо, рассчитывали, что придет кто-то один и встреча не состоится. "Готовы идти сейчас!" — ответили мы.

У заведующего приемной консультант проинструктировал: "Сейчас мы пойдем в Кремль. Никаких вещей не брать. Только женщина может иметь при себе сумочку".

Я положил документы в папку, и мы пошли на территорию Кремля, к правительственному зданию. Оно огорожено, охраняется. Подошли со стороны Спасских ворот к маленькой калиточке. Там стоял часовой. Консультант показал ему удостоверение и сказал: "Эти люди идут со мной". Зашли в вестибюль, сдали в гардеробную плащи и головные уборы. В лифте поднялись на третий этаж. В приемной перед кабинетом сидел секретаря. Кругом — роскошные мягкие ковры, — никогда не видел таких. Здесь уже и сестру Лиду попросили оставить

сумочку. Через минут десять открылась дверь: "Входите".

В кабинете, как обычно, стоял большой "Т"-образный стол. С одной стороны в мягких креслах сидели: заместитель Генерального прокурора, Председатель по делам религиозных культов Пузин, заведующий приемной, консультант и — пятый, видимо, из КГБ.

Все представились, звание последнего мы не поняли.

Пригласили сесть напротив. Микояна не было. Как только мы сели, открылась какая-то дверь и он сразу оказался за своим столом. После краткого приветствия нас предупредили, что беседа будет непродолжительной — всего час. Мне первому дали слово для доклада.

"Мы благодарим Бога..." — начал я.

"Ничего, ничего, наша обязанность принять граждан", — прервал меня Анастас Иванович.

После этого я изложил суть дела. Фотографии о мученической смерти Н. Хмары, конфискации и разрушении молитвенных домов, об отчислении из институтов.

"Это события прошлых лет..." — сказал Микоян.

"Взгляните на свежие факты", — предложил я фотографии погрома в Щетово Ворошиловградской области и разрушенного молитвенного дома в Сухуми.

Он посмотрел и передал заведующему приемной.

Зачитывая дальше документы о гонениях, я дошел до сообщения о Хмаре. Микоян резко прервал: "Винные в его смерти уже наказаны, не надо об этом вспоминать".

"Мы тоже не хотели бы вспоминать, но в приговоре по его делу написано: «Не подчинялся "Инструктивному письму ВСЕХБ" и "Положению"». Это говорит о том, что государство вмешивается в дела церкви".

У нас было больше тридцати обличительных документов. Я успел осветить только около десяти, остальные просто передал. Анастас Иванович заверил, что эти документы они изучат и через месяц дадут ответ.

Тон, с которым начал говорить Иосиф Бондаренко, Микояну не понравился. Он резко прервал его.

По существу дела говорили другие братья и сестра Лида.

В заключение А. И. Микоян пообещал урегулировать взаимоотношения церкви с государством, но через месяц его сняли, и негативное отношение к пробужденному братству ЕХБ оставалось прежним.

ГОД ПЕРЕДЫШКИ

Отказ правительства в разрешении на съезд и оппозиция делу пробуждения со стороны служителей ВСЕХБ дали Оргкомитету право пред Богом и по закону в одностороннем порядке созвать Всесоюзное совещание служителей церкви ЕХБ, которое проходило в Москве 20 сентября 1965 года. На этом совещании Оргкомитет был переименован в Совет церковей ЕХБ. Список нового состава членов мы отослали в правительство. Служители, не вошедшие в основной состав, были введены в Отдел благовестников при Совете церковей ЕХБ.

Для духовного и организационного руководства церквами ЕХБ, а также для объединения всего братства в единый, независимый от государства союз, в ноябре 1965 года в основном под редакцией председателя Совета церковей Г. К. Крючкова был разработан проект Устава Союза церковей ЕХБ. После обсуждения в общинах он был принят на очередном совещании Совета церковей и одобрен как полностью соответствующий Священному Писанию и вероучению евангельских христиан-баптистов.

1965 год был годом передышки перед новой волной гонений. В это время недруги дела Божьего через послушный им духовный центр ВСЕХБ планировали свести на нет влияние религии в обществе. Был взят курс на атеистическое воспитание детей в яслях, детсадах, школах. В средних и высших учебных заведениях вводилась новая дисциплина — атеизм. Доступ к высшему образованию для верующих был закрыт. Верующих учителей и воспитателей уволили с работ.

В марте 1966 года для борьбы с внутрицерковным движением статья 142 УК РСФСР (нарушение Законодательства о религиозных культах) усилили до трех лет лишения свободы, — гонения на верующих незарегистрированных общин планировали на десятилетия. Для детей Божьих, особенно для служителей духовного центра, которые не желали нарушать евангельские принципы служения, оставался только один путь — скорбей, разлук, скитаний по тюрьмам и лагерям.

МАЙСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

В апреле 1966 года на совещании в Киеве братья-узники, входившие в состав Совета церковей и отдела благовестников, подняли вопрос о дальнейших ходатайствах по прекращению беззаконий в отношении верующих. Учтивая, что обычно верующих по несколько дней не принимали в правительственных учреждениях, решили назначить делегацию на середину мая, чтобы в ожидании приема можно было ночевать даже под открытым небом.

16 мая 1966 года в Москву прибыло около 500 делегатов из многих общин гонимого братства. ("Могло быть и 1300 (!), если бы мы не отозвали из отпусков и не сняли прямо с поездов всех желающих", — признался мне позднее следователь.) Прибывающих на все вокзалы столицы встречали специально назначенные братья и распределяли на станциях метро, в ГУМе и других местах. Ровно в 9.45 верующие небольшими группами с разных сторон дружно направились к зданию ЦК на Новой площади.

Напротив ЦК — небольшой сквер. Там стоит памятник героям Шинки в виде часовенки с крестом. На нем по-славянски написан текст из Священного Писания: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан. 15, 13). Для многих эти слова послужили вдохновением. Мы понимали, что этим служением также полагаем души свои за братьев.

Оказавшись у главного входа, мы прежде всего громко зачитали участникам делегации ходатайственное за-

явление. Тут же семь братьев и сестра подписали его.

Мы стояли на виду у прохожих. Через время вышел офицер охраны и предложил перейти в соседний глухой переулок, где находится приемная и справочный отдел ЦК. Когда мы перешли, представители из ЦК, прокуратуры предлагали нам пойти то в Совет по делам религий, то в клуб. Нам было известно, что посланников церковей прежних делегаций без свидетелей избивали и разгоняли, поэтому мы отказались идти куда-либо. Так прошел день. С наступлением темноты все устроились на ночлег там же, прямо на асфальте. Наутро мы вернулись к главному входу ЦК, но ответа так и не дождались.

В 13.45 подогнали 28 автобусов. Верующие сплотились тесным кольцом и, взявшись за руки, запели гимн: "Лучшие дни нашей жизни..." Милиция, военнослужащие и сотрудники КГБ начали избивать всех, молодых и старых. Братьев и сестер вырывали из рядов, били по лицу, по голове, бросали на асфальт, тащили за волосы, забрасывали в автобусы и увозили в неизвестном направлении*.

Так 17 мая 1966 года меня арестовали в третий раз и увезли в Лефортовскую тюрьму КГБ. Через день, 19 мая, в приемной ЦК арестовали Г. П. Винса и М. И. Хорева, когда они пошли узнать о судьбе делегации. Спустя 10 дней, 29 мая, на одной из московских квартир арестовали Г. К. Крючкова.

"НЕ БОЙСЯ, МАЛОЕ СТАДО!"

Несмотря на отсутствие основного состава служителей Совета церковей, Господь совершал Свое славное дело. Сотрудники издательства "Христианин", завершив лабораторные и конструкторские исследования (начатые служителями Инициативной группы еще в 1962 г.), создали офсетную машину и приступили к печатанию Евангелий и сборников духовных песен. В 1967 году впервые была напечатана "Книга жизни" — Евангелие Иоанна.

* Подробности о судьбе делегации читайте в журнале "Вестник истины" № 2, 1981 г.

Это было первое облачко, величиной с ладонь, предвещавшее обильный дождь благословений Божьих. Никакие гонения, преследования не могли остановить жизнь церкви Христовых, потому что сила их не в служителях Совета церквей, которых гонители изолировали, но во Христе распятом. Он сказал: "Не бойся, малое стадо!.."

Я не знаю, есть ли в истории христианства проявления подобных чудес благодати Божьей, когда бы сотни церквей в течение почти трех десятилетий были разлучены со своими служителями-избранныками, но духовная жизнь и рост общин не прекращались, а братство мужало и крепло во славу Божью на путях святой независимости!

ТРЕТИЙ СРОК

Обвинение мне предъявили по статье 142, но улик неоставало. Тогда следователь Амелин отдал "Братские листки" и другие документы Совета церквей на экспертизу, которая вынесла заключение, что в них якобы содержатся призывы к неисполнению Законодательства о религиозных культах. Считая, что теоретическая база под обвинение подведена, меня и братьев Г. К. Крючкова и Г. П. Винса осудили на три года лишения свободы.

Мой следователь был явно недоловен методами борьбы с верующими и откровенно заявил: "Я бы не так боролся с вами: подготовил специальных людей и под видом проповедников заслал в ваши общины, чтобы разлагать изнутри..."

При содействии Ростовского КГБ третий срок я отбывал в Сальском районе. (В лагере было пять братьев по вере.) Но потом меня неожиданно отправили в "колонию близ Новочеркасска (Каменный Брод). Там администрация относилась к заключенным жестоко: если до нормы выработки не хватало всего одного процента — сажали в ШИЗО.

После амнистии, которая, как обычно, верующих не касалась, в лагерь стал наезжать пожилой полковник КГБ, некий Иван Андрианович Потапов. Отношение ко мне резко из-

менилось: сначала неожиданно для всех вывели на расконвойку, а потом, когда до конца срока оставалось всего 27 дней, вдруг оформили на стройки народного хозяйства и отправили работать в Шахты.

Сотрудники КГБ, чтобы подорвать авторитет служителей Совета церквей, одних задабривали и всячески смягчали участь, как это было со мной, а других — ужесточенно преследовали. Так моего брата и друга Г. К. Крючкова в середине срока неожиданно перебросили за тысячи километров: из Грозного — в Читинскую область! Там открыли на него уголовное дело и намеревались осудить его на новый срок без выхода на свободу. Геннадий Константинович 19 суток не принимал пищи. Верующие стали ходатайствовать, Бог разрушил замыслы недругов, и Геннадий Константинович вышел на свободу.

29 апреля 1969 г. кончился месяц моего пребывания на "химии". Начались бесконечные хождения по кабинетам. В отделении милиции и в горисполкоме, куда я приходил по вопросу прописки, постоянно появлялся пожилой сотрудник КГБ и вел со мной беседы, добиваясь согласия на контакты. Только спустя месяц я оформил прописку, но вызовы не прекращались. То приходили домой повестки, то присылали людей из паспортного стола с записками явиться в такой-то кабинет для беседы. Чтобы не давать никаких сведений о церкви, от разговоров я уклонялся. О вызовах всегда рассказывал Геннадию Константиновичу, а в церкви просил братьев молиться обо мне.

Однажды сотрудник КГБ, назвавшийся депутатом областного Совета (не помню фамилии, пожилой человек), заявил: "Ну вот, Николай Георгиевич, прошло полтора года нашего знакомства, мы изучали вас, вы — нас. Теперь я конкретно ставлю вопрос: вы должны сотрудничать с нами, иначе будем возбуждать уголовное дело. Подумайте, при следующей встрече ответите".

Я категорически отверг требование о сотрудничестве и понял, что

они намерены вскоре меня арестовать.

В декабре 1969 года Господь чудесным образом позволил провести в Туле Всесоюзное совещание служителей гонимого братства, на котором был избран новый состав Совета церквей.

До осени 1970 года для верующих снова наступила некоторая передышка от гонений. Но вот 15 августа 1970 года в Туле грубым образом было нарушено совещание Совета церквей. А через 3 дня, 18 августа, из-за угрозы ареста, братья Г. К. Крючков и Г. П. Винс вынуждены были уйти на нелегальное положение, чтобы иметь возможность совершать духовное служение. Не стовариваясь, в один день они ушли из дому. В то время почти все служители Совета церквей не могли появляться в своих семьях и общинах из-за слежки и угрозы ареста.

ЧЕТВЕРТЫЙ АРЕСТ

В течение двух лет и я был на нелегальном положении. Иногда встречался с женой, с братьями Шахтинской церкви. В одно из таких посещений я ночевал у В. И. Передерева. С одним братом мы договорились перевезти некоторые материалы церковного архива. Сели в электричку. По дороге брат должен был выйти, взять груз и в Ростове передать мне. Как только он вышел, ко мне подошли молодые парни. Когда подъехали к Ростову, старший из них сказал: "Мы из уголовного розыска. Вчера заявили о краже черной сумки. Мы подозреваем вас. Пройдемте, уточним..." Скрутили мне руки. Выходим из вагона, а тут уже наготове "Волга". Привезли прямо в Ростовское управление КГБ. Это было 7 октября 1972 года.

В кабинете ожидали два пожилых сотрудника, знакомые мне по прежним вызовам. На столе лежал "Бюллетень" № 9.

"Знают ли верующие, что вы арестованы?" — поинтересовались они в первую очередь.

Я же в этот момент больше всего переживал об архиве церковных документов. Думаю: не дай Бог, если он попадется. Господь услышал мою молит-

ву: брат, отправившийся за архивом, остался вне подозрения.

Сотрудники КГБ обыскали мои карманы и сумку. Изъяли отпечатанные на гектографе самоучители игры на гитаре, Библию, "Песнь творения" и фотографию Вани Моисеева. (В это время Совет родственников узников опубликовал сообщение о его мученической смерти.)

Как только они ушли, в кабинете появился очень говорливый человек. Он говорил без умолку. Присутствие его имело определенную цель: в первые минуты ареста, когда нервы напряжены до предела, не дать собраться с мыслями. Мне он не давал возможности сосредоточиться в молитве.

ВЕРБОВКА

С кем-то посовещавшись, сотрудники КГБ вошли и решительно заявили, что я должен, во-первых, помочь им зарегистрировать общину; во-вторых, содействовать тому, чтобы Совет родственников узников прекратил публикацию материалов о гонимых и чтобы эти документы не попадали за рубеж; и, в-третьих, пойти на постоянные контакты с ними.

— Если дадите согласие помочь, завтра же будете на свободе и дело, возбужденное два года назад, закроем.

На следующий день при очередном допросе они с досадой сообщили: "Ну вот, верующие уже молились о вас..." Им очень хотелось, чтобы никто не знал о моем аресте (поэтому и брали без свидетелей, когда я остался один), но Господь это не допустил.

Со многими служителями поступали подобным образом: арестуют в дороге, угрозами и шантажом добьются согласия на встречи — и отпустят. А они потом в угоду органам власти стараются убедить церковь не ходатайствовать об узниках, настаивают на регистрации. Верующие в общине не поймут, что случилось со служителем — никто не знает, где он побывал...

Трое суток мне не предъявляли санкции на арест. Я мог выйти на свободу, и никто бы не знал, что меня задерживали, — вернули паспорт и все.

В воскресенье я дал письменный

ответ: "Община регистрируется, если будет гарантировано невмешательство государства во внутрицерковные дела; деятельность Совета родственников узников прекратится и вопрос публикации репрессий снимется с повестки дня, если не будет преследования верующих за религиозные убеждения. Никаких сведений о жизни церкви давать не могу, в органы власти буду являться только по официальным повесткам".

Явился какой-то начальник в гражданской одежде, видимо, из Ростовского КГБ. (Называли его Николаем Николаевичем.) Втроем они читали мой ответ. Он им явно не понравился.

После этого меня из КПЗ, при внутренней тюрьме управления КГБ, перевели вниз и сдали следователю. Видимо, хотели сами вести следствие, но я отказался принимать пищу. Прошло дня три, и начальник отправил меня в следственный изолятор № 1 общей Ростовской тюрьмы.

От жены везде скрывали, что я нахожусь в КГБ, она очень беспокоилась. Господь дал ей мудрость найти меня, и она смогла даже передать передачу.

Следствие шло месяца три. Несколько раз посещали сотрудники КГБ и снова предлагали: "Освободим тебя, только согласишься на сотрудничество".

Я не знал как от них избавиться и вновь отказался принимать пищу. Тогда меня поместили в изолятор и стали искусственно кормить. Дважды давали свидание с семьей, — только бы стал есть. А перед свиданием вызывали и в который раз склоняли на сотрудничество. Я опять отказался. Семья уехала. Тут же вызвал следователь и, кроме 142-й, предъявил дополнительное обвинение по 227, 190, 193-й статьям УК. В результате, осудили на четыре года.

На этом вмешательство КГБ не кончилось. Если третий срок, как я уже говорил, по требованию КГБ я отбывал в Ростовской области, то теперь они отправили меня на север — в Коми АССР, чтобы затруднить встречи с семьей. Практически, на общее свидание жена уже не могла приехать, и ни разу не приезжала; была только на длительных.

ОПЯТЬ И. А. ПОТАПОВ...

Прошло два года лагерной жизни. Неожиданно вызывают в оперчасть, а там — работник КГБ из Сыктывкара и представитель Ростовского КГБ И. А. Потапов. Он посещал меня в колонии в Каменном Бродо.

— По делам службы я был в Воркуте и решил заглянуть к вам, Николай Георгиевич, узнать как живете, — преподнес он свой визит так, будто вовсе и не планировал эту поездку, а просто решил навестить. — Как здоровье? Как работа? Семья?

— Для чего задаете эти ненужные вопросы? Прежде чем вызвать, вы обо всем осведомились! Вам все известно! Я не желаю с вами разговаривать.

Он упомянул о деле, по которому я осужден.

— По этому вопросу тем более не хочу разговаривать. Вы сфабриковали его и прекрасно знаете, что никакой вины за мной нет.

— Зачем вы так строго?

— Не хочу с вами разговаривать!

— Николай Георгиевич, я приятную новость привез. Наверное, вам уже писали...

— Не знаю ничего, от верующих мне писем не передают.

— Да будет вам известно, что в декабре ВСЕХБ разрешен съезд. На эту тему я и хотел поговорить. Может, вы поехали бы?

— Что-то странное слышу! Первый раз в жизни сталкиваюсь с тем, чтобы заключенных приглашали на съезд в Москву. Такого еще не бывало.

— Сегодня вы заключенный, а завтра можете быть на свободе. Все будет в порядке, если на съезде скажете то, о чем попросим.

— С вашими инструкциями никуда я не поеду.

— Напишите верующим, чтобы держивались от всяких демонстраций, делегаций, регистрировались, не нарушали законодательство о культах. Сделайте первый шаг в знак согласия, и мы это учтем.

— Ничего я писать не буду. И вообще, зачем вы сюда приехали? Зачем тратите государственные средства на

такие командировки? Не приезжайте больше ко мне, не хочу с вами разговаривать.

— Подумайте, завтра еще вызовем. Дело было в пятницу, в день поста.

— И завтра не надо вызывать. Ни на какой съезд я не поеду и верующим ничего писать не буду.

До приезда Потапова я работал строгальщиком в мехцехе и, как специалист, был нужен. Все, вплоть до начальника колонии, были довольны мной. И вдруг меня, сравнительно пожилого человека, отправили на лесоповал, в бригаду, где работала одна молодежь. Попасть туда было очень трудно, желающих не брали. Те, кому здоровье позволяло, зарабатывали там хорошие деньги. Я, как старый человек, оказался у них нежелательным нахлебником. Работать сучкорубом без привычки было очень трудно: постоянно был мокрым от пота, нестерпимо болели руки в локтях. Через месяц рабочие, сжавшись, перевели меня помощником повара. (Обед варили прямо в лесу.)

Узнав об этом, оперчасть настояла вернуть на прежнее место. За девять месяцев пребывания на лесоповале так было несколько раз: местное начальство из уважения переводило на легкую работу, а оперчасть возвращала на тяжелую, — и все это за отказ ехать на съезд ВСЕХБ. В конце концов мое сердце не выдержало переутомления: летом 1975 года у меня было, видимо, предынфарктное состояние, и через санчасть меня с лесоповала вернули на легкий труд.

БЕССРОЧНАЯ ОПЕКА

Освободился я в октябре 1976 года. Опасался, что снова начнутся мытарства с пропиской. На этот раз, к удивлению, никто меня не вызывал. Но как только в паспорте поставили штамп, в тот же день через нарочного меня пригласили для беседы в отделение милиции. Одно крыло их здания занимал комитет госбезопасности. Дежурный сразу направил меня туда. Четвертый срок заключения закончился, а опека КГБ — нет.

Я не знаю должность пожилого человека, который вел беседу, но, видимо, это начальник КГБ г. Шахты. Он не требовал от меня каких-то обязательств о сотрудничестве, ни о чем не спрашивал, только настойчиво советовал: "Не вмешивайтесь в дела церкви. Пусть все идет, как идет".

Запомнился такой момент: Ростовская автономная община выходила из состава Совета церквей. В связи с этим я должен был ехать на братское совещание. Накануне меня вызвал этот человек: "Николай Георгиевич, у Ростовских назрел вопрос регистрации. Не вмешивайтесь, пусть сами решают".

Приезжаю на совещание, и в ходе рассуждений один из служителей автономной общины вдруг говорит: "Братья, у нас такая просьба к Совету церквей: хотя бы два года не вмешивайтесь в дела нашей церкви, оставьте нас в покое".

Мне сразу стало не по себе. Думаю: не может быть случайным такое совпадение, когда служитель повторяет те же слова, что и КГБ! Тогда я рассказал совещанию, что такой же совет давали мне в кабинете госбезопасности, и предупредил: "Смотрите, братья, откуда все это исходит!"

Н. Г. Батурин крестит сына. 1979 г.

ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ

27 августа 1977 года в Ростов съехалась христианская молодежь Украины, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Прибалтики и других мест. Все пути к дому, в котором должно проходить общение, перекрыли милицейские машины и автобусы. Собравшимся пришлось перейти в рощу, но и там богослужение проводить было невозможно: гремели громкоговорители, специально подсланные молодые люди танцевали, громко пели, потом развели костер. Задыхаясь от дыма, верующие вынуждены были искать другое место и пошли в город. Там, на одной из площадей, в окружении милиции и толпы слушателей прошло полчасовое служение. Свидетельство о Господе было большое, а это никак не входило в планы устроителей разгона, и они стали просить верующих вернуться в дом. Я был участником того необычайного общения.

* Это общение было поворотным моментом в судьбе Николая Георгиевича. После четвертых уз за Слово Божье и за свидетельство Иисуса Христа он пробыл на свободе всего одиннадцать месяцев. Служители советовали, чтобы к месту общения он шел один и, если заметит, что милиция и дружинники подтянули силы для разгона, воздержался от участия в общении. (На Николая Георгиевича, как и на других служителей Совета, уже было заведено уголовное дело.)

Он так и поступил: шел рошей один. На него никто не обращал внимания. Видя, что все оцеплено, на перекрестках дежурят милицейские машины, мотоциклы, Николай Георгиевич намеревался было пройти мимо. Но тут вдруг роща огласилась звуками чудного пения: "Нет, не умолкну, хоть тяжок гнет уз, небо, с тобою мой вечный союз..."

Этот гимн он слышал впервые. Не раздумывая ни минуты, он устремился туда, откуда доносилось пение, и без колебания влился в ряды поющих, окруженных плотным кольцом гонителей. Ни угроза пятого ареста, ни даже смерть не могли уже заставить его повернуть назад. Об этом свидетельствует записка, которую Николай Георгиевич написал своим сотрудникам.

*Обрати внимание на хоровой песне
Небо. Он звучал во мне, когда, попрощавшись
с семьей, я шел через рощу в Р-ве на моло-
дежное общение в конце августа 1977г. Этот
день был решающим в направлении моего по-
следнего мирского пути. А гимн этот
был тогда для меня новым: он появился в
время моего последнего зак. моего.*

Оно оставило в душе моей неизгладимый след*.

В продолжение двух лет совершал я служение в нелегальных условиях: помогал в подборке и обработке статей для журнала "Вестник истины", готовил материал библейских курсов, участвовал в совещаниях Совета церквей и по возможности посещал общины. Это было очень напряженное время в жизни братства: повсеместно шли аресты, не прекращались слежки. Для этой цели были задействованы не только сотрудники официальных органов, но и рабочие на производствах, врачи, учителя, соседи и пенсионеры. Передвигаться по стране было очень сложно. На вокзалах нельзя было появиться.

ПЯТЫЙ АРЕСТ

Возвращаясь из поездки по Северному Кавказу, я не рассчитал время и засветло подъехал к дому, в котором работал. Он находился под постоянным

Редкие встречи в перерывах между узами за имя Господа.

Н. Г. Батурин и Д. В. Миняков. Валга, 1979 г.

наблюдением: сосед отмечал всех, кто приходил, кто уходил, какая машина подъехала и т. д.

5 ноября 1979 года я собрался ехать в Москву на встречу с братьями, на руках был билет. За два часа до отъезда в дом вошли нежеланные гости. Сделали обыск якобы по запросу Львовской прокуратуры. Изъяли много духовной литературы, архивных документов и материалов для журнала и библейских курсов, а меня арестовали.

Это было в г. Смела Черкасской области. Дело вел старший следователь областной прокуратуры К. И. Яковлев. 16 января 1980 года, после моих многочисленных ходатайств, он выдал мне Библию. С небольшими перерывами почти до самого освобождения Господь дал мне возможность пользоваться этим сокровищем в узлах.

Полгода длилось следствие и четыре с половиной месяца я ожидал суда, который шел на территории завода в Черкассах. Никого из верующих не допустили, и к концу первого дня зачитали приговор — пять лет лагерей строгого режима. Я сказал: "За все слава Богу!"

Положенного после суда свидания не дали. Лишь спустя месяц, в тюрьме, я встретился с женой, матерью и младшим сыном Алешей.

19 сентября отправили этапом через Днепропетровск, Харьков, Свердловск и Мариинск в Юргинский лагерь Ке-

меровской области. За год скитаний по тюрьмам и по этапам я провел в постах примерно полгода. (Жаль, что не сохранился календарь, где я отмечал эти благословенные дни.)

Месяц я проработал там в строительной бригаде, было очень тяжело. Отняли Библию и несколько тетрадей с записями и долго решали: вернуть или нет. Затем перевели меня в лагерь города Белово той же области.

Были выходные дни, закрыли меня в ШИЗО одного. Спал на голых нарах, положив валенки под голову. Трое суток не ел, не пил — молился, чтобы не отняли Библию и тетради. Господь услышал — все осталось при мне!

Из Юрги меня привезли с такой характеристикой, что якобы я, прикрываясь религиозными убеждениями, занимался антисоветской агитацией. Поэтому в Белово с первых же дней за мной установили строгий контроль, стали оформлять одно нарушение за другим:

у заключенного нашли мою тетрадь с записями из книг "Числа" и "Второзаконие", и закрыли меня на три дня в ШИЗО;

в мае 1981 года лишили на месяц ларька за книгу Рогозина "Существует ли загробная жизнь?";

третье взыскание (10 суток ШИЗО) получил в ноябре 1981 года за юбилейный "Братский листок", который удалось прочитать только раз. "Правильно наказали, — заявил прокурор по надзору. — А если бы другим давал читать, — привлекли бы к уголовной ответственности". Эти дни были не в тягость: провел их в посте и молитве;

25 декабря 1981 года, на Рождество, я не вышел на работу (у меня был задел, и я оформил отгул). Узнала оперчасть и водворили в ШИЗО на пять суток, — это было четвертое наказание.

Я снова не принимал пищу. В этот раз мне было очень трудно. В камере вместо семи человек теснилось нередко 14. Вокруг грязь, постелей не было, спали на голым полу. Меня постоянно мучило повышенное давление — 190/100. В последние сутки буквально нечем было дышать, и я подползал ближе к двери под свежую

струю. Пульс еле прощупывался. Но и в этой тесноте я все же старался свидетельствовать о Господе. Люди спорят, с трудом доверяют Слову, ярые — отрицают, вдумчивые — сомневаются. Молился, чтобы хотя некоторым запаля живые семена Слова Божьего.

И в зоне обстановка была не лучшей: бараки переполнены, нары в три яруса с проходами всего на ширину тумбочки. Невозможно помолиться даже ночью: возвратившиеся с третьей смены шумят, сквернословят. Территория лагеря настолько мала, что люди толпами ходили по дорожкам во время прогулок. В выходные дни только на стадионе можно было свободно прохаживаться. Как я нуждался в уединенном месте для общения с Господом!..

ТЯЖЕЛЫЕ ВЕСТИ

В этом же году для беседы со мной из Москвы приехал сотрудник КГБ, лет 35-ти. Войдя в кабинет, я отошел к окну, преклонил колени, вслух помолился. Беседовали один на один.

— Николай Георгиевич, поскольку вы пользуетесь авторитетом в Совете церкви, мы будем встречаться не только здесь, но и на свободе. Без меня вы не обойдетесь.

— А что, Потапов и его товарищи уже на пенсии?

— Да.

— Я хочу знать вашу фамилию, должность.

— Узнаете в конце беседы. Николай Георгиевич, вот вы сидите, а вашу молодежь воспитывать некому, они не подчиняются дружинникам!..

— Я здесь ни при чем. И как вам хорошо известно, нахожусь в заключении не за преступление.

— Совет церквей, — продолжал сотрудник КГБ, — занял неправильную позицию, некоторые члены Совета уже поняли это. Да будет вам известно, что Сибирь и Средняя Азия скоро отойдут от Совета церквей, — это зависит от Куксенко и Крекера!..

С тяжелым сердцем я уходил с этой беседы. Никто не знал, как горько было мне за братьев, которые оставили путь истины и смущали народ Божий. Гос-

подь видел мои переживания и утешил меня: именно с этого дня я больше всего стал получать писем от верующих Сибири и Средней Азии.

НОВОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

Прошло время. Однажды следователь областной прокуратуры в присутствии оперуполномоченного и двух понятых из администрации произвел обыск на моем рабочем месте (в жилой зоне) и личный. Изъяли все записи, открытки, письма. (Библия пропала незадолго перед этим.)

28 сентября 1983 года меня перевели в следственный изолятор Кемеровской тюрьмы. Обвиняли по 190-й статье: клевета на советский общественный строй. Только теперь мне стало ясно, почему оперчасть так последовательно оформляла одно необоснованное нарушение за другим, — без этого невозможно было бы осудить меня в лагере на новый срок.

Нужные следствию показания могли дать только лжесвидетели. За этим дело не стало: в камере, куда меня поместили, люди были заранее подготовлены. С первого дня они стремились заводить разговоры, компрометирующие политику нашего государства, всячески пытались подтвердить возводимую на меня клевету.

Во время следствия я ходатайствовал о получении Библии. 21 декабря 1983 года на свидании жена передала ее. Я был очень благодарен Господу.

МОИ ЖЕЛАНИЯ ИСПОЛНИЛИСЬ

Запись в дневнике:

Кемеровская тюрьма, под следствием, 26.12.83 г.

Следователь дал мне ознакомиться с материалами дела, к которому был приобщен журнал "Вестник истины" №2, 1981 г., изъятый в Белово при обыске у брата Хмелева. Там помещена моя статья, а на обложке — тексты о побеждающих из Откровения.

Я давно хотел, чтобы эти стихи из Священного Писания были вынесены на отдельную страницу журнала или другого издания. Моё желание исполнилось! Господь соединяет нас в одном духе и одних мыслях. Слава Ему!

В этом журнале я прочел о кончине дорогой сестры в Господе С. П. Бочаровой, 11 с половиной лет отдавшей работе в издательстве "Христианин". Она отошла в вечность 22 января 1980 года (когда я находился в Черкасской тюрьме). Я узнал об этом почти четыре года спустя. Благодарил Господа за всех святых, ушедших от нас. "Любящие Господа да будут как солнце, восходящее во всей силе своей".

МОЙ ПОСЛЕДНИЙ СУД

Суд проходил 26—27 января 1984 года. Ходатайство о предоставлении верующего адвоката отклонили и в этот раз, тем самым лишив меня права на защиту. По закону такие приговоры не имеют силы, но никто не думал отменять ни Черкасский приговор, ни тем более Кемеровский.

Это был мой шестой суд, но я впервые встретился с тем, что подсудимого не кормят. Утром в тюрьме я получил только пайку хлеба, а в перерыве мне даже воды не дали, не говоря уже о положенном обеде.

Многим лжесвидетелям, выступавшим против меня на суде, я действительно давал читать Слово Божье, беседовал с ними. "Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого" (2 Кор. 4, 3—4). И хотя всем лжесвидетелям я простил, но решение о них будет от Господа по правде Его.

31 января, в день, когда выносили приговор, конвоир подвел меня к скамье подсудимых и сказал: "Садись слева". В предыдущие дни я располагался на ней, где хотел. Мне сразу вспомнились стихи из Священного Писания, который я прочитал в это утро: "Ибо Он стоит одесную бедного, чтобы спасти его от судящих душу его" (Пс. 108, 31). Я ободрился: Господь будет стоять рядом и защищать меня!

Прокурор требовал наказать по всей строгости, включая и оставшийся срок. Судья же ограничился тремя годами, то есть к прежнему сроку добавил мень-

ше двух лет*. Слава Господу!

Зал был полон друзей по вере. Середина зимы, Сибирь, но когда зачитали приговор, меня забросали цветами! Благовествуя на нобисе страдания, запели гимн: "Христианин, неси огонь чудесной своей!.."

Позже я узнал, что без выхода на свободу также осуждены братья: П. В. Румачик, Я. Г. Скорняков, М. И. Хорев, Р. Д. Классен, А. Т. Козорезов.

САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

После суда меня перевели в подвал. В камеру не проникал даже дневной свет; духота, все курят, на прогулку не выводят, — это были самые тяжелые дни за все годы моего пребывания в неволе. К этим трудностям прибавились посещения корреспондента "Советской России", а также появление клеветнической статьи в местной газете "Кузбасс". В ней затронули даже моего отца: только теперь я узнал, что его, как и тысячи христиан, арестованных в 1937 году, обвинили в надуманных преступлениях.

Прочитав ее, я отказался от пищи. Шли десятые сутки, на меня никто не обращал внимания. Затем, чтобы заставить принимать пищу, вызвали в санчасть. "В крови нашли сахар, значит ты ел!" — заявили врачи и дали заключение, что я не принимал пищу всего три-четыре дня. Перевели в одиночную камеру. Я обрадовался: свежий воздух, можно спокойно молиться, петь.

За этот день оперчасть, вызывая заключенных по одному, настроила всю камеру, якобы я хочу устроить в тюрьме саботаж. Через сутки меня возвратили к ним. Захожу, чувствую, атмосфера накалена: мое место уже занято (до этого я спал внизу), заставили встать на второй ярус, а у меня нет сил. "Ложись на мое место, я поднимусь наверх, — сжалился пожилой заключенный. — Пока я здесь, тебя никто пальцем не тронет". Я понял, что они хотели меня избить, но Господь не допустил.

Через два дня на свидание при-

*Защитительная речь Н. Г. Батурина на этом суде помещена в журнале "Вестник истины" №2—3, 84 г.

ехала жена, я получил передачу, стал принимать пищу. Сразу же перевели в больничную камеру, которая не отапливалась, я сильно простудил почки. Майор оперчасти, разжегший эту травлю, постоянно интересовался моим самочувствием, и, если бы не Господь, то живым они проглотили бы меня.

"ХОЧУ ДОМОЙ К ИИСУСУ..."

*Запись в дневнике:
Кемеровская тюрьма, после суда, 14.03.84 г.*

Закончил чтение книги пророка Михея. Немножко приболел: "Хочу домой к Иисусу..." Вспомнил свою юность...

У Бетховена однажды спросили, чего он более всего ожидает в Небесном Царстве? "Там обрету я мой слух", — ответил он.

Там и я "многих встречу любимых друзей, чудно свиданье вдали от скорбей!.." Там мы будем петь в совершенном хоре, сливаясь с хорами Ангелов.

Там я расскажу о своей одинокой жизни в разлуке со всеми, "кто дорог был и мил". Всем поведаю самое сокровенное: о любви великого Господа Иисуса ко мне, наименьшему из Его рабов.

Исполнятся и многие другие желания: чего "не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его".

А самое главное — я узрю моего драгоценного любящего Господа Иисуса Христа на престоле в вечной славе одесную Отца и Бога Своего и Бога нашего.

ДЖАМБУЛЬСКАЯ ЗОНА

Итак, в Кемеровской тюрьме я провел восемь месяцев. 19 мая 1984 года меня отравили этапом через Новокузнецкую и Барнаульскую тюрьмы на Джамбул. Я ожидал, что перебросят в зону близости, но вот уже Сибирь осталась позади, а конца пути не видно. Безжизненные казахстанские пески навевали тоску.

В пути я молился, чтобы на новом месте Господь послал уголок для молитвы, и Бог услышал.

* * *

Приближался конец срока. Администрация снова стала выкидывать нарушения: не пошел на политзанятие.

(Я был в это время на амбулаторном лечении из-за высокого давления и предупредил об этом дежурного офицера, но он все-таки оформил рапорт, и мне объявили выговор.) В августе получил второе взыскание: не успел вместе со всеми поужинать, — тут же пришли с обыском и за хранение продуктов на рабочем месте лишили на месяц ларька. Как я позднее понял, все это делалось для того, чтобы освободить меня с надзором.

Последний год работал садовником, выдавал инструменты рабочим. Я был очень благодарен Богу, что Он, видя мое утомление, послал передышку. А самое главное: я имел постоянное место для уединенной молитвы и общения с Господом, что было бесконечно дорого.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Опасаясь, что ко дню освобождения приедут многие друзья, администрация лагеря в срочном порядке вызвала спецконвой из Алма-Аты (старшего лейтенанта и двух солдат) и отправила меня на этап. Я прошел уже не один этап и знаю, что это такое. Но на сей раз, мне впервые в жизни надели стальные наручники как самому опасному государственному преступнику*.

Наручники, как правило, надевают на буйных, не подчиняющихся конвою заключенных, или на смертников. Сопровождающий офицер, очевидно, по указанию сверху, специально проявил надо мной свою власть, и возможно, В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ. Убедившись что я не тот человек, за кого меня приняли, через полчаса наручники сняли.

По милости Божьей мне было даже легче с этим конвоем: не изматывали по общим камерам.

В Уральске, как обычно, обыскали и завели в камеру смертников. Затем — Воронеж; и снова, как особо опасному преступнику, место нашли только в карцере. Я был благодарен Господу и за эти условия: свободно молился, пел, укреплялся духовно.

*Самозажимающиеся спаренные браслеты, стягивающие запястья рук. При малейшем движении причиняют невыносимую боль.

Сентябрь 1986 года. Трогательная встреча с родными у ворот лагерной зоны после 6-х уз за имя Господа.

Семь дней везли до Ростова. Там я пробыл последнюю неделю перед освобождением. 26 сентября доставили в Шахты. Ночь провел в бараке. Утром объявили надзор: с шести вечера до шести утра из дому не выходить, раз в неделю отмечаться в милиции и за пределы города не выезжать. И меня освободили.

27 сентября после семилетней разлуки Бог подарил мне радостную встречу с семьей, друзьями и молодежью. Разговаривал я с трудом, потому что второй день был в посте, но, увидев дорогую церковь и родные лица многих детей Божьих, воспрянул духом.

Когда меня в лагере осудили на новый срок, кажется, прибавилась печаль к печали, тяжесть к тяжести, но

Господь ни на минуту не оставлял меня и всегда с любовью заботился обо мне.

СЛУЖЕНИЕ В УЗАХ

С первых дней пребывания в Черкасской тюрьме я задумался: зачем Господь допустил мой арест? Столько труда на свободе, а служителей мало, и вдруг я оказался отрезанным от всего.

Господь утвердил меня, что я послан в узы для МОЛИТВЫ. Для молитвы о братстве, о всем деле Божьем, о тружениках наших, о Совете церковей, об издательстве "Христианин", о семьях узников. Молился я и о радиомиссионерах и родственных по духу христианских миссиях, издательствах и о многих братьях и сестрах лично. Очень часто

я находился в poste, особенно первый год, который почти весь прошел в тюрьме. Я понял, что молитва — это мое самое главное служение в узах.

Наше братство пережило тяжелые моменты затяжных гонений. Изолировав пастырей, недруги дела Божьего хотели обезглавить церковь и рассеять стадо, но этого не случилось.

Церковь Христова — не человеческая организация, она — Тело Его, а Он — ее Глава, и до тех пор пока не нарушено это святое единство, ей ничто не угрожает. Ни одно орудие, сделанное против Церкви, не будет успешно, если она идет путем очищения, освящения и неукоснительного исполнения заповедей Господних.

Господь допустил эти гонения и разлуку с пастырями не для того, чтобы нанести ущерб народу Своему. Наоборот, попав за решетку, служители продолжали совершать очень важное служение — день и ночь подвизались в молитвах за народ Божий. Находящиеся же на свободе, хотя и подвергались ударам, старались ходатайствовать о дорогих служителях-узниках.

Господь слышал наши искренние молитвы, в этом мы неоднократно убеждались. И не только в чем-то большом, но даже в самом малом Он обильно восполнял наши нужды и защищал.

Я лично всегда считал своим долгом молиться также и о Геннадии Константиновиче, потому что ему гораздо тяжелее нести служение, хотя он и не за тюремной решеткой. На протяжении последних 18 лет он находится в добровольных узах только ради дела Божьего, ради сохранения духовных побед, ради независимости церкви Христовых. И надо особо сказать: эти долгие годы проведены им в условиях конспирации не для того, чтобы просто укрыться от ищущих его. Это время отдано ответственному, напряженному труду руководства Советом церковью и всем братством в целом; труду, который Господь поручил ему исполнять еще 30 лет назад, с первого дня пробуждения. И мы должны благодарить Бога, что Он дает ему еще терпение, силу и здоровье совершать это нелегкое служение, а главное — увенчивает его обильными благословениями.

Давно известно: чтобы избежать тюрьмы — не нужно уходить в автономную общину или во ВСЕХБ. Любому верующему нашего братства стоит сказать что-то против служителей Совета церковью и лично против Геннадия Константиновича, — и свобода ему гарантирована.

Органам власти выгодно, когда кто-либо хотя бы в мягкой форме высказывается неодобрительно о внутрицерковном движении за очищение и освящение. По этому признаку они определяют, кто предан Господу и верен Ему до смерти, а кто "...за жизнь свою отдаст... все, что есть у него..." (Иов. 2, 4).

Молитвенное служение — самое великое, самое ценное, в нем вся жизнь для братства, жизнь для Совета церковью, жизнь для каждого из нас. Чем больше мы льнем в молитве к нашему Господу, тем ближе и родней будут для нас гонимое братство и все его служители, тем дороже святое дело Его. Только через молитвенное общение с Богом мы объединяемся друг с другом в единую паству, где единый Пастырь — Господь. Он и приведет нас в Свои вечные обители, которые приготовил любящим Его.

ВЕЛИКОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

В 1985 году исполнилось 40 лет как я принял водное крещение. В моей жизни случилось так, что половину этого времени я пробыл в узах и ссылке. Но никогда у меня не появлялось сожаление или сомнение в избранном пути. Я знал, что этим путем ведет меня Господь. Он всегда был со мной, — это ободряло меня.

Я не был материально богатым, поэтому мне нечего было терять, когда начался мой скорбный путь. Все время я только приобретал благословения Божьи, которые несравнимы ни с какими земными сокровищами! Мне хочется повторить вместе с Апостолом Павлом: "Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его" (2 Тим. 4, 7—8).

Н. Г. Батурин на одном из совещаний служителей Совета церковью.

ПОКАЯНИЕ ГРЕШНИКОВ!..

ОБ ЭТОМ МОЛИЛИСЬ, ЗА ЭТО СТРАДАЛИ МНОГИЕ ВЕРНЫЕ ДЕТИ БОЖЬИ.
Общение христианской молодежи Центра России. Май 1988 г.

"...Я ПРОСЛАВЛЮ ЕГО ПЕСНЮ МОЕЮ" (Пс. 27, 7).

Николай Георгиевич с дочерью на богослужении в Одесской общине СЦ ЕХБ.

Н. Г. БАТУРИН

„ДЕРЖИ, ЧТО ИМЕЕШЬ...»

Откр. 3, 11

Основная тема послания Иисуса Христа Фиатирской церкви: "что имеете, держите" (Откр. 2, 25). Перед этой церковью Господь предстает как Сын Божий, "у Которого очи — как пламень огненный, и ноги подобны халколивану", вид Его строг, Он как Судья. Почему же на эту церковь Господь смотрит пламенными очами, а ноги Его — как раскаленная медь?

В книге пророка Иеремии написано: "Великий в совете и сильный в делах, Которого очи отверсты на все пути сынов человеческих, чтобы воздавать каждому по путям его и по плодам дел его..." (32, 19). Не только пути наши и поступки ежедневно оценивает Господь, но очи Его настолько пронизательны, что видят насквозь сердце каждого человека, все сокровенные помыслы и желания (1 Кор. 4, 5). "Очи Господа обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему" (2 Пар. 16, 9). Псалмопевец Давид говорит: "Очи Господа обращены на праведников, и уши Его — к воплю их. Но лице Господне против делающих зло, чтобы истребить с земли памяту о них" (Пс. 33, 16—17).

Новорожденный ребенок в первые недели жизни устанавливает контакт с окружающим миром только посредством зрения. Открыв глаза, он в первую очередь ищет встречи

с любящим взглядом матери и отца. Именно зрительный контакт лежит в основе дальнейшего формирования характера ребенка.

Точно так ни один христианин не обойдется без зрительного контакта с Господом. "Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь", — говорит Давид (Пс. 15, 8). Нормальный духовный рост возможен только тогда, когда очами веры мы постоянно созерцаем Господа нашего Иисуса Христа. Давид молился: "Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю" (Пс. 120, 1—2).

Утративший этот контакт уклоняется на опасный путь, который закончится печалью. У Апостола Петра произошел разрыв с Господом, хотя Господь его и предупреждал не надеяться на свои силы. В критический момент, когда Петр отрекся, Господь взглянул на него, встретился взглядом, и он все понял. "И вышел вон, горько заплакал".

Кто потерял духовную связь с Господом, тот не может идти путем послушания и, если при жизни покаянием не восстановит ее, в день суда все равно встретится с очами, горящими "как пламень огненный" и услышит приговор, отменить который будет невозможно.

Пророк Исаия говорит: "Как прекрасны на горах ноги благовестника,

возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: «воцарился Бог твой!» (52, 7). Это в первую очередь относилось к Господу нашему Иисусу Христу. Прекрасны были Его ноги, несущие нам благословение, мир, спасение. В последний день эти ноги будут, как раскаленная в огне медь, что служит символом суда. Иезекииль пишет: "И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него" (1, 27). "...Бог наш есть огонь ПОЯДАЮЩИЙ" (Евр. 12, 29). Божья ЛЮБОВЬ — самая СИЛЬНАЯ и НЕЖНАЯ, но, будучи отвергнутой, она осудит в конце веков человека по делам его. Слово Его подобно огню, оно будет судить мир в последний день.

Пергамская церковь переживала гонения за имя Господа, а в Фиатирском периоде гонения постепенно утихали, пока не прекратились совсем. Разговаривая с этой церковью, Господь не поставил на первый план гонения, но открыл ей подлинное ее состояние: "Знаю твои дела, и любовь, и служение, и веру, и терпение твое, и то, что последние дела твои больше первых".

Дальше следует упрек: "Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное" (Откр. 2, 20). Сейчас всевозможные каждения перед идольскими жертвенниками отошли в область предания. Нам не приходится оскверняться этим. Но в этом предупреждении содержится иносказательный, духовный смысл. Образ пророчицы Иезавели взят из Ветхого Завета, она была женой царя Ахава. За беззакон-

ния ее выбросили с третьего этажа, и лошади растоптали ее.

Грех Иезавели очень опасен для церкви, ожидающей пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Она служит прообразом союза церкви с государством. В настоящее время истинную церковь оболещают проповедники и служители, имеющие образ Иезавели. У них есть хорошие молитвенные дома, они пользуются покровительством мира и приглашают нас: будем евангелизировать нашу страну, проповедовать Христа...

Иезавель — не простая пророчица. Являясь женой царя, она обладает властью и может не только приглашать и уговаривать, но и нажать на те рычаги, которые возобновят гонения, скорби, узы, порой не на всех, а на отдельных братьев. Но убоиться ее и вступить в союз с ней — греховно и опасно.

Многие верующие поддались соблазну идолопоклонства миру сему, участвуют в идоложертвенных трапезах, являются членами союзов, которые основаны и живут не по Слову Божьему. Бог говорит о таковых: "Я дал ей время покаяться".

Служители Инициативной группы призывали к покаению за связь с миром 27 лет назад — это немалое время, данное Богом для осознания своих грехов, но отступники остаются такими же. Тогда Господь говорит: "Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих" (Откр. 2, 22). Сейчас трудно предсказать, как Господь поступит с теми, которые поддались оболещению Иезавели. Но Слово Божье говорит: "И детей ее поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим" (ст. 23). Это не останется в тайне.

"Вам же и прочим, находящимся

в Фиатире, которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас иного бремени, только то, что имеете, держите, пока приду" (ст. 24—25).

Человеческому уму непостижимо, как наши братья-узники, пройдя сквозь тяжкие страдания, остались живыми, сохранили верность, за исключением некоторых. Одно ясно: своими силами никто не способен выстоять. Господь дал нам разумение глубин сатанинских. Мы хорошо усвоили: стоит только согласиться на малейшую уступку недругам — погубишь душу свою. А Слово Божье предупреждает нас: "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне" (Мтф. 10, 28).

Второе послание Тимофею (3, 1—8) дает некоторое представление о глубинах сатанинских. В общих чертах здесь говорится не о безбожниках, а о называющих себя христианами, имеющих вид благочестия, силы же его отрекшихся. Они стали такими в результате падения в глубины сатанинские.

Глядя на многих запутавшихся в дьявольских сетях, будем внимательны к простым словам Господа: "Держи, что имеешь". То есть, как мы служили все эти годы Господу, Удаляясь от мира, так и будем стоять на путях независимости. Будем приближаться к Господу, идти путем очищения, освящения и больше всего хранимого хранить сердце свое, ибо из него источники жизни. Никакого непосильного бремени Господь на нас не налагает. Трудно было нам переносить многие испытания, гонения, всплески которых еще продолжаются в житейском море, но Господь сохранил нас невредимыми. Если Он провел нас через эти трудные годы, в которые постоянно посылал

помощь и защиту, то Он силен сбегать нас и в будущем, только бы мы держали то, что имеем, пока не придет Господь.

Фиатирская церковь живет в период перед самым вторым пришествием Господа Иисуса Христа. Ей, как и Пергамской церкви, дано двойное обетование: "Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил власть от Отца Моего..." (Откр. 2, 26—27),

Эти два стиха говорят не о власти в человеческом понимании, а о деле евангелизации, о призыве к покаению. Господь даст нам силы Духа Святого, чтобы евангелизировать и приготовить ко дню суда этот грешный мир. Кто откликнется на призыв Христа, покается, примет Его как личного Спасителя, того Господь введет в число искупленных детей Своих.

Обетование заканчивается словами: "...и дам ему звезду утреннюю". Звезда утренняя — это Сам Христос! Кто сохраняет заповеди, соблюдает их и побеждает все нападки сатанинские, являя верность до конца, тот получит великую награду — Звезду утреннюю. Глаза его узрят во всей красоте Царя, Который говорит: "Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя" (Откр. 22, 16).

Апостол Петр также напоминает: "...Вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердца ваших..." (2 Петр. 1, 19). Придет час, когда мы увидим эту Звезду утреннюю! Это будет в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. "Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам"...

ГИМН ДОБРОТЕ

Никто не благ, как только один Бог. Мтф. 19, 17

Мы являемся последователями единственного в мире учения добра, правды и мира, основанного на любви к Богу и к ближним.

Бог наш, в Которого мы уверовали, есть Бог добра, и по Своей сущности Он благий, то есть добрый. Пророк Исаия говорит о Нем: "Вспомяну милости Господни и славу Господню за все, что Господь даровал нам, и великую благодать Его к дому Израилеву, какую оказал Он ему по милосердию Своему..." (Ис. 63, 7).

В самом начале Нового Завета говорится о Младенце Иисусе Христе, Которого Бог послал "дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего..." (Лук. 1, 77—78). В этих словах Священного Писания Господь открывает нам сердце Свое, Свою сущность (ипостась — Евр. 1, 3), что Он — "Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый" (Ионы 4, 2).

Для того чтобы научить человека добру, Бог дал закон, основные заповеди которого: "не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй" не требуют, кажется, никаких усилий со стороны человека. Просто он должен оставаться пассивным, не делать этого. И только две заповеди призывают к активному действию: "почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя" (Мтф. 19, 19).

Но неужели так трудно быть добрым, отзывчивым, приветливым, любезным, благожелательным? Все было бы гораздо проще, если бы в мире не появились антиподы добра — грех и зло, которые принесли враг душ человеческих. Он в гордыне своей восстал против Бога добра и совратил человечество с прямых путей Господних. Человек от рождения унаследовал греховную природу и расположение к злым делам, и тем самым оказался враждебным Богу. Вот почему нарушение хотя бы одной заповеди Божьей вызывает цепную реакцию зла и воздвигает непреодолимую преграду между Богом и человеком.

Справедливость Божья требовала возмездия за грех. Человечеству угрожала вечная гибель. Чтобы спасти падшее творение, Господь Иисус добровольно из любви взял на Себя вину и согласился умереть вместо нас. Своим воскресением Он оправдал и сделал невиновными перед Богом всех верующих в Него. Он победил величайшее зло добром; нечестие — святостью и чистотой Своей жизни; ненависть — любовью; насилие — кротостью; непокорность Богу — послушанием до смерти и смерти крестной.

Не случайно Дух Святой на страницах Священного Писания запечатлел единственную в мире правду о том, что благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа! (Иоан. 1, 17). Понять ее во всей полноте невозможно. Она

так же всеобъемлюща и безгранична, как непостижим и велик Сам Бог.

Можно ли осмыслить или хотя бы перечислить действия необычной Божьей доброты?

"...Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (Мтф. 5, 45).

"Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Иоан. 3, 16).

Он даровал нам благодать, радостную весть — Евангелие, которое призывает быть светом миру, чтобы люди видели наши добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного (Мтф. 5, 14—16).

До пришествия Иисуса Христа человек, чтобы достичь вечной жизни, должен был прилагать усилия: в точности соблюсти закон, данный Богом. Когда же явилась благодать Божья в Иисусе Христе, то людям стало очень легко получить спасение и жизнь вечную. Нужно только поверить, что Христос "умер за грехи наши" и "воскрес для оправдания нашего", раскаяться, то есть попросить во имя Иисуса Христа прощение у Бога за все свои грехи.

И хотя нам так же необходимо соблюдать заповеди доброты, но, благодарение Богу, мы не одиноки: Он послал нам Духа Святого, Который руководит нами и ведет нас в землю правды (Пс. 142, 10).

Апостол Павел в первом послании Тимофею напоминает о доброте двенадцать раз! Другими словами, наши поступки должны быть "добрым исповеданием", т. е. практическим осуществлением доброго Учения, которому последовали. Нам нужно благодетельствовать, богатеть добрыми делами, быть щедрыми и общительными (1 Тим. 6, 18).

Христос заповедал последователям учения добра быть солью земли, предохраняющей человечество от разложения (Мтф. 5, 13). Он призывает "облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истинны... Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим...

Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас" (Еф. 4: 24, 29, 32). Мы призваны соблюдать эти заповеди доброты "чисто и неукоризненно даже до явления Господа нашего Иисуса Христа" (1 Тим. 6, 14).

Каждая страница Библии призывает человека к доброте.

Милостью Божьей мы, только отчасти познавшие доброту, явленную в Спасителе нашем Иисусе Христе, вместе с Давидом поем ныне гимн вечной доброте: "Много соделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих о нас — кто уподобится Тебе! — хотел бы я проповедовать и говорить: но они превышают число" (Пс. 39, 6).

И как нам хочется приобщить к этой святой доброте души единокровных наших с раннего детства, чтобы уже с молоком матери они усваивали уроки доброты!

Будем всей нашей жизнью утверждать доброту в нас и вокруг нас! Будем нести благодать о Христе погибающему миру, как несли ее первые христиане, верные последователи доброго учения Христа.

Облеченные силою свыше, будем осуществлять на земле грядущее Царство благого Бога нашего. Само слово "Бог" есть синоним добра. Самое большое безумие совершил тот, кто сказал: "Нет Бога".

Наивысшая формула доброты содержится в драгоценных словах Нового Завета, которыми мы и за-

кончим наш гимн доброте:
"Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца,

и общение Святого Духа да пребудет со всеми, неизменно любящими благого Бога" (1 Кор. 13, 13; Еф. 6, 24).

Н. Г. БАТУРИН

ИМЕНА БОЖЬИ

Боговедение

В 17-й главе Евангелия Иоанна записана молитва Господня: "...сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (ст. 3). Распространяя благую весть о жизни вечной, прежде всего мы сами должны иметь ее, а она заключается в личном познании Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

Пророк Иеремия пишет: "Но хвалящийся хвалился тем, что разумеет и знает Меня, что Я — Господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно Мне, говорит Господь" (9, 24).

Третье место напомним из книги пророка Осии: "Ибо я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений" (6, 6). Господь хочет, чтобы мы вникали в себя и в учение Его, занимались этим постоянно; ибо, так поступая, и себя спасем и слушающих нас (1 Тим. 4, 16).

В Библии содержится полное Боговедение, она включает в себе всю догматику. В наших библейских курсах нет материала по догматике, но мы можем смело заменить его Библией. Вникая в Слово Божье, мы можем повышать свои знания.

Для проповедника Евангелия важно знать своего Бога: Кто Он, понять Его свойства, волю. Наше обучение может быть успешным или безуспешным в зависимости от того, насколько мы любим Господа и насколько стремимся исполнить Его волю. "...Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении..." — говорит Христос (Иоан. 7, 17).

Конечной целью Богопознания является исполнение Духом Святым, чтобы Он Сам совершал через нас дело благовестия.

ИМЕНА БОЖЬИ

Каждое имя в Библии содержит программу, весть. В Библии более 600 имен Божьих, и на каждое из них можно сказать проповедь. Только в Ветхом Завете эти имена употребляются примерно десять тысяч раз, т. е. в среднем, в каждом четвертом стихе Библии. Какое богатство в этих именах Божьих! "...Как величественно имя Твое!..." — восклицает псалмопевец Давид (Пс. 8, 2).

В Новом Завете об имени Господа нашего Иисуса Христа говорится, что оно выше всякого имени (Фил. 2, 9). Всякий, кто призовет это имя Господа, спасется (Д. Ап. 2, 21).

Правильное употребление имени Господа вызывает могущественное действие. Например: прощение грехов (1 Иоан. 2, 12); благословение (Числ. 6, 27); исцеление (Д. Ап. 3, 6) и, наконец, изгнание бесов (Д. Ап. 16, 18).

Чудесное имя Божье может служить нам не только средством общения с людьми, но и для общения с Богом в молитве: "...чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю..." (Иоан. 14, 13).

Мы должны быть очень осторожны и не злоупотреблять именем Господа, ибо оно свято: "Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно..." (Исх. 20, 7). Это может произойти через лицемерие (Ис. 29, 13); "Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!" войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного" (Мтф. 7, 21; Мал. 1, 6; Иер. 23, 17).

А теперь конкретно остановимся на некоторых именах Божьих, встречающихся в Библии. Современные богословы распределили имена Божьи по некоторым группам.

Первая группа связана с именами ЭЛЬ, ЭЛОА, ЭЛОИМ. Эти три еврейских имени переводятся на русский одним и тем же словом "БОГ".

Имя ЭЛЬ — означает "Бог сильный, имеющий силу". В этом имени заключается Божественность Бога, поэтому и грядущий Мессия должен носить имя "Бог крепкий", как сказано у Исаии: "...и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий..."

В отличие от языческих идолов Бог носит имя ЭЛОА, то есть "правдивый, истинный Бог". "Не бойтесь и не страшитесь: не издавна ли Я возвестил тебе и предсказал? И вы Мои свидетели. Есть ли Бог кроме Меня? нет другой твердыни, никакой не знаю" (Ис. 44, 8). В то время народ Израильский жил в окружении язычников с их многобожием. Идолов своих они называли богами.

Израиль знал только одного истинного живого Бога — ЭЛОА и зовут Его: ЯХВЕ. Другими словами, приведенный стих говорит: "ЯХВЕ является единственным истинным Богом". Сравним Псалом 17, 32: "Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего?"

Чаще всего слово ЭЛОИМ (окончание *-им*) встречается во множественном числе от "ЭЛОА", и означает Бога-Творца. В еврейской Библии 1-й стих первой главы книги Бытие звучит так: "В начале сотворил ЭЛОИМ..." То есть это имя включает в себя единство и триединство Бога.

Языческие народности также называют своих идолов ЭЛОИМ, но существует лишь один истинный ЭЛОИМ. Израиль знает Его под именем ЯХВЕ: "Бог богов, Господь возглаголал, и призывает землю, от восхода солнца до запада" (Пс. 49, 1). Здесь употребляется имя ЭЛОИМ — ЯХВЕ — Бог богов. В еврейском языке этот стих дословно звучит так: "ЭЛЬ ЭЛОИМА есть ЯХВЕ". "Ибо все народы ходят, каждый — во имя своего ЭЛОИМА; а мы будем ходить во имя ЯХВЕ ЭЛОИМА нашего..." (Мих. 4, 5).

Господь, беседуя с Авраамом, сказал: "Благословен Аврам от Бога всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог всевышний, который предал врагов твоих в руки твои. Аврам дал ему десятую часть..." (Быт. 14, 19—20). Это был Мелхиседек, священник Бога всевышнего. Здесь мы встречаем имя Бога всевышнего "ЭЛЬ-ЭЛЬЕН". Библия знает одного лишь Бога — ЭЛЬ-ЭЛЬЕН, всевышний Бог. Слово ЭЛЬЕН происходит от глагола "восхождение" или "вознесение". В Новом Завете мы находим, что Иисус называется Сыном Всевышнего, это самое возвышенное имя Божье (Лук. 1: 32, 35 и Марк. 5, 7).

Следующее имя из этой группы — ЭЛЬ-ШАДДАЙ, "Всемогущий". Кто читал "Духовную войну" Джона Буньяна, наверно, помнит, там царь назывался Шаддаем. ШАДДАЙ обозначает "грудь", таким образом, в этом имени заключено нечто материнское. Он предсказывает бездетному Авраму, что у него будет наследник, и делает плодовитым ушедшего на чужбину Иакова (Быт. 15, 4—5; 35, 11).

Прочитаю немного об имени ЭЛОХИМ из Библии пастора Скоуффилда: "ЭЛОХИМ иногда ЭЛЬ или ЭЛАХ (русское БОГ) — первое из трех главных имен божества. Существительное, составленное из слов "эл" — сила, сильный и "элоах" — клясться, связывать себя клятвой". Имя ЭЛОХИМ говорит о верности Бога, в нем подразумевается единство и вместе с тем множество. Когда Господь говорил: "Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему..." (Быт. 1, 26), то характерно следующее: имя произносится во множественном числе, а глагол "и сотворил ЭЛОХИМ" подчеркивает единство Бога, хотя здесь прослеживается имя Троицы Божьей: Отца, Сына и Святого Духа, Бога-Творца, но Он один, единый Бог. (Смотрите Быт. 3, 22.) Таким образом, в слове ЭЛОХИМ как бы сокрыта Троица. Это слово главным образом означает понятие "сильный", как оно и употребляется в первой главе книги Бытие. В Ветхом Завете слово ЭЛОХИМ, то есть "Бог сильный", встречается около 2 500 раз.

Вторая группа с Божьим именем ЯХВЕ. Израильский народ в древности так называл Бога. В русской Библии это имя звучит — Иегова "...Я есмь СУЩИЙ..." (Иегова), "...Я буду СУЩИМ..." (Исх. 3, 14). Но слово "есмь" не полностью передает смысл, оно может быть передано словом "бу-

ду": "Я есмь и Я буду СУЩИМ". Еще можно перевести так: "Я буду Тем, Кто Я есть". Или: "Я есть Тот, Кем Я буду", то есть Богом неизменным, вечносущим.

ЭЛЬ — это сильный Бог, как мы отметили. Под именем ЯХВЕ Израиль знал Бога живого, "Бога Спасителя" или "Бога завета". Итак, ЯХВЕ есть имя Троицеобразного Бога ЭЛОИМ, но это исключительно для Своего народа.

Подтверждение этой мысли можно найти у Иоилия 3, 5—8. "...Будет лизать прах как змея, как черви земные выползут они из укреплений своих; устрашатся Господа Бога нашего, и убоятся Тебя. Кто Бог, как Ты, прощающий беззаконие и не вменяющий преступления остатку наследия Твоего? не вечно гневается Он, потому что любит миловать. Он опять умиляется над нами, изгладит беззакония наши. Ты ввернешь в пучину морскую все грехи наши" (Мих. 7, 17—19; Пс. 103, 1—34).

Познавая имена Господа, мы познаем Его свойства, Его характер, что Он любящий, милующий. В прежние времена имя ЯХВЕ выговаривалось и как Иегова. Сокращенная форма — "Я", не наше русское "я", а еврейское "Я" обозначало ЯХВЕ. Полное имя Бога встречается, например, в слове "Аллилуйя". Последняя буква "я" обозначает: "Славьте Я", "Славьте ЯХВЕ" (по-еврейски). Во многих библейских именах: Илия, Исаия и т. д., последняя буква "я" включает имя Божье.

С Божьим именем ЯХВЕ в еврейской Библии существует целый ряд сочетаний, например: "ЯХВЕ СА-ВАОФ" — "Бог войсковой рати" или "Бог воинств" (1 Цар. 1: 3, 11; Амос. 3, 13; 9, 5).

"Господь есть Бог Саваоф; Сущий (Иегова) — имя Его" (Ос. 12, 5). Это имя Божье, на которое уповает Его народ, будь-то при сотрясении всей

земли, или находясь во вражеском окружении, или при угрозе смертельной опасности.

Как важно знать нам этого Бога всемогущего, Бога воинств. "Господь сил с нами, Бог Иакова заступник наш... Господь сил с нами, заступник наш Бог Иакова" (Пс. 45: 8, 12). Весь 83-й Псалом можно читать в подтверждение этой мысли.

ЯХВЕ Саваоф является тем сильным Богом, Который живет в нас, в Котором мы сокрыты, как в крепкой башне: "Имя Господа — крепкая башня: убегают в нее праведник, и безопасен" (Притч. 18, 10; Пс. 59, 6—7).

Третья группа имен Божьих: АДО-НАИ. "Адон" означает Господь, Учитель. "АДОНАИ" — "мой Господь". Это имя характеризует Бога, имеющего авторитет. Редко Он называется лишь Господом — Адон; почти всегда — "АДОНАИ" — мой Господь.

Для всего мира Бог есть ЭЛОИМ, для Израиля Он — ЯХВЕ, а Его рабы зовут Его АДОНАИ (Исх. 4, 10).

"И сказал Моисей Господу: о, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен" (Исх. 4, 10). В личном обращении Он наш Господь, по-еврейски АДОНАИ.

Поскольку объяснение этого имени начинается с первой книги Бытие, то, когда читаете Слово Божье, обратите внимание, как оно употребляется. Когда я был молодым, у нас не было подсобной литературы, я пользовался только русскими переводами и русскими значениями имен Божьих. В свое время я обратил внимание, что в первой книге Бытие, где говорится о Боге-Творце, употребляется только одно имя — Бог; во второй, где более подробно говорится о сотворении

человека, включается двойное имя: Господь Бог, и в третьей, когда Адам и Ева согрешили, с ними разговаривал тоже Господь Бог. Простым своим умом я понял: значит здесь уже не только Бог-Творец, Бог-Отец, но и Сын Божий участвует в творчестве человека. Хотя мы не разделяем Бога на три личности. Он един.

Когда Каин убивает Авеля (Быт. 4 гл.), фигурирует только Господь, Сын Божий, Который с первых дней творения уже имел непосредственное отношение к падшему человеку. Только Господь разговаривает с грешником, призывая его к покаянию. Имя Бог здесь не упоминается.

Обратите внимание на различные имена Божьи: под каким именем Он встречает человека, каким именем называют Его люди в различных ситуациях. Из Откровения Иоанна мы знаем, что к каждой церкви Господь обращается по-особому: "так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, ходящий посреди семи золотых светильников" — Ефесской церкви; "так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив" — Смирнской; "так говорит имеющий острый с обеих сторон меч" — Пергамской; "так говорит Сын Божий, у Которого очи — как пламень огненный, и ноги подобны халколивану" — Фиатирской; "так говорит имеющий семь духов Божьих и семь звезд" — Сардийской; "так говорит Святыи, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит" — Филадельфийской; "так говорит Аминь, свидетель верный и истинный" — Лаодикийской.

Закончу эту беседу стихом из Псалма: "...утверди сердце мое в страхе имени Твоего" (85, 11).

01. 07. 88.

МНОГО ПЕРЕНЕСШАЯ ШАХТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ УМНОЖАЕТСЯ ЧИСЛОМ.

УРОКИ БОГОВЕДЕНИЯ

Н. Г. БАТУРИН

по книге пророка Исаии

Речь пророка, содержащаяся в первой главе, вероятно, произнесена в правление Иудейского царя Ахаза (сравни ст. 21 и 29 с 4 Цар. 16, 3), когда Господь наказал царство Иудейское нашествием царей Сирийского и Израильского (около 735—727 г. до Р. Х.).

"Видение Исаии" носит характер "откровения", данного ему от Самого Бога (см. 1 Кор. 11, 23). Его возвышенная проповедь звучит громовым голосом над небесами и землей, "потому что Господь говорит" (ст. 2), то есть этот голос исходит от престола Божьего (ср. Вт. 32, 1; Откр. 14, 6—7).

Толкователи сходятся на том, что это вступление относится ко всей книге, а именно: "Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит". Извлекая из этой книги уроки Богопознания, будем постоянно иметь в виду, что так говорит Господь нам о Себе Самом.

Святой Израилев

Наиболее глупые из животных, вол и осел, знают своего хозяина, "а Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева" (ст. 3—4). В последующих стихах описан результат "незнания", оставления Господа и пренебрежения святостью Его. Народу (дому) Божьему принадлежала святость на долгие Дни (Пс. 92, 5). Через послушание народа Господь желал передать, вселить, внедрить в них Свою святость. Но они не послушали и тем самым навлек-

ли на себя гнев, страдания, опустошение всей земли. "Будьте святы, потому что Я свят",— говорит и нам ныне Господь (1 Петр. 1, 15—16).

Святость народа, достигнутая послушанием "Святому Израилеву", являлась гарантией благословений Божьих, защитой от всяких бед и безопасностью при нападении неприятелей.

На протяжении почти всей этой святой книги Господь многократно напоминает Свое имя — "Святой Израилев" (Ис. 5, 19; 10, 20; 12, 6; 30: 12, 15).

Господь Саваоф

"Бог войсковой рати" (ст. 9). Впервые это имя встречается в 1 Цар. 1: 3, 11. Он является Богом ополчения Ангелов (Амос. 3, 13; 9, 5; Ос. 12, 5; Зах. 8, 1). Господь Саваоф, Бог сил, защитил "небольшой остаток" народа. (Надо полагать, именно тот остаток, который стремился к святости Его.)

Он же называется "Сильный Израилев" (ст. 24). Это великое имя многократно употребляется в книге пророка Исаии: 1, 9; 3, 1; 5, 9; 6, 3; 8, 18; 10: 23, 26, 33; 13, 4; 19, 16—18 и далее.

Господу тяжело?!

Сильный, всемогущий Бог "жалуется", что Ему "тяжело", нетерпимо! Бремя грехов нераскаянного народа невыносимо для Него (ст. 11—19). В то же время Этот Милостивый, Страждущий Бог призывает народ Свой к очищению от греха, к святости жизни: "Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное,— как снег убелю... Если за-

хотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли". То есть благословения Святого всегда готовы излиться на послушный Ему народ.

Судья народов

"Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят" (ст. 20). После проявления Своей святости и силы Бог открывается для непокорных Ему, как Судия Праведный (2, 4; 3, 13). Великий Господь — Судия наш, Законодатель, Царь, Он спасет нас (33, 21—22). Его "милость превозносится над судом" (Иак. 2, 13). Через все Его "судопроизводство" прослеживается главная черта характера Судьи Праведного — милость, спасение и мир на земле. Конечный результат Его судов: "...и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать" (2, 4).

Отрасль (гл. 4, 2)

"Отрасль" — имя (Господа) Христа, употребляемое в 4-х значениях:

1. "Отрасль Господа" (4, 2) — это сущность Христа, как "Эммануила", которая откроется восстановленному и обращен-

ному Израилю после возвращения Христа во славу (Мтф. 25, 31).

2. "Отрасль от корня Иессеева" или "Отрасль Давида" (Ис. 11, 1; Иер. 23, 5; 33, 15) — это Мессия "от семени Давидова по плоти" (Рим. 1, 3), Который открылся людям в Своей земной славе, как Царь царей и Господь господствующих.

3. "Раб Мой (Божий) Отрасль" (Зах. 3, 8) — это Мессия в Его уничтожении и послушании до смерти (см. Ис. 52, 13—15 и 53 гл.; Фил. 2, 5—8).

4. "Муж — имя Ему Отрасль" (Зах. 6, 12—13) — имеется в виду характер Его, как Сына Человеческого, "последнего Адама", "второго человека" (1 Кор. 15, 45—47), царствующего в роли Священника, Царя над землей во владениях, которые даны первому Адаму, но утрачены им.

В Евангелиях эти значения приведены в следующем порядке: у Матфея — "Отрасль Давида", у Марка — "Раб Мой, Отрасль" и у Иоанна — "Отрасль Господа" (Иеговы). (Примечание Ч. И. Скоуфилда.)

Возлюбленный мой...

На этих словах 4 октября 1988 года в 22 часа оборвалась жизнь дорогого служителя. Он написал лишь заголовок, а дальше должны были идти рассуждения о скорбной песне Возлюбленного о винограду, принесшем дикие ягоды.

Смирно повинувшись Господу, Николай Георгиевич при содействии Божьем приносил добрые грозди даже в страданиях и всю жизнь сокрушенно плакал о тех, кто опечаливал сердце заботливого Виноградяра дикими ягодами.

Но слез уже было довольно. Настало время незакатной радости для великого печальника и молитвенника русского братства. Вместе с сонмом святых теперь он поет новую, ничем не омраченную песнь Возлюбленному, которую начал в долине слез.

Одинокой была его жизнь и такими же последние минуты пребывания на земле. Жена уехала на лечение, сына он отправил по делу благовестия далеко в Сибирь, дочерей проводил на спевку.

Весь этот день он писал. Торопился закончить историю Шахтинской церкви к ее 70-летию. Поднялось высокое давление. Он нашел силы попросить соседей вызвать "Скорую помощь", но она не понадобилась — Николай Георгиевич был уже у Господа.

Через полчаса вернулись дети. У постели отца стояли чужие люди. На столе горела лампа, лежала, как обычно, раскрытая Библия, тетрадь с записями: "Уроки Боговедения по книге пророка Исаии". Рядом в записной книжке — сотни мест из Священного Писания по этой теме.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

8 октября 1988 года в солнечный прохладный осенний день Шахтинская церковь совместно с верующими, прибывшими со всех концов страны, провела в последний путь дорогого служителя — Н. Г. БАТУРИНА.

Весь предыдущий день и всю ночь лил проливной дождь, завывал ветер; казалось, сочувствуя утрате, плачет само небо. При такой погоде трудно было бы совершать траурное богослужение, но по молитвам детей Своих Бог в день похорон послал ясную погоду, и многочисленная толпа неверующих могла спокойно слушать проповеди, звучавшие во дворе дома, где жил Николай Георгиевич. Вернее, где жила его семья, потому что сам он около 24 лет провел вдали от родных, скитаясь как служитель Божий по тюрьмам и лагерям и в нелегальных условиях.

С ранней юности Николай Георгиевич полюбил Господа. 43 года был членом церкви, 26 лет на служении в Совете церквей, 9 из них — секретарем СЦ ЕХБ. В короткие промежутки между арестами он вместе с другими братьями подвизался в деле домостроительства независимого братства. Только за последние полтора года после освобождения из уз он посетил 111 церквей нашего братства: Сибири, Урала, Алтая, Украины, Белоруссии. За две недели до перехода в вечность радовался в общении с народом Божиим в Средней Азии.

Переступая же тюремный порог, Николай Георгиевич начинал молитвенное служение, которое также без преувеличения можно назвать подвигом. Болея о деле Божьем, он отказывал себе даже в скудном тюремном

пайке и, практически, через день пребывал в посте. Он и на свободе не отступал от этого правила. Молитва была его вторым дыханием.

Более трех часов шло служение у дома. Жители многоквартирного дома открыли окна, вышли на балконы, некоторые поднялись на пожарные лестницы и внимательно слушали Слово Божье. Затем гроб с телом Николая Георгиевича подняли на плечи служители Совета церквей и траурная процессия двинулась к кладбищу. Впереди шли дети с цветами, за ними друзья несли венки (их было 48). От дома до кладбища 4 километра. Шли два часа по трем центральным улицам. 10 раз останавливались для проповеди и свидетельствования о Господе стекавшейся со всех сторон толпе слушателей.

Ветер расправлял полотна с текстами Священного Писания: "Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил...", "Блаженны мертвые, умирающие в Господе", "Верующий во Христа, если и умрет, оживет" и другие.

Замыкали шествие три духовых оркестра (Курской, Харьковской и Здолбуновской церквей).

По пути к процессии примыкало много верующих людей. Николай Георгиевич при жизни постоянно молился и призывал к широкому благовестию истины Господней. Призыв этот остался завещанием для всех, кто слышал его проповеди. Воистину, желание боящихся Господь исполняет и вопль их слышит. Похоронная процессия была продолжением его проповеди о Христе. Играл оркестр, пели гимны, рассказывали

**До встречи
в вечности!
Сослужители
провожают
в последний
путь возлюб-
ленного брата
Н. Г. Батурина.**

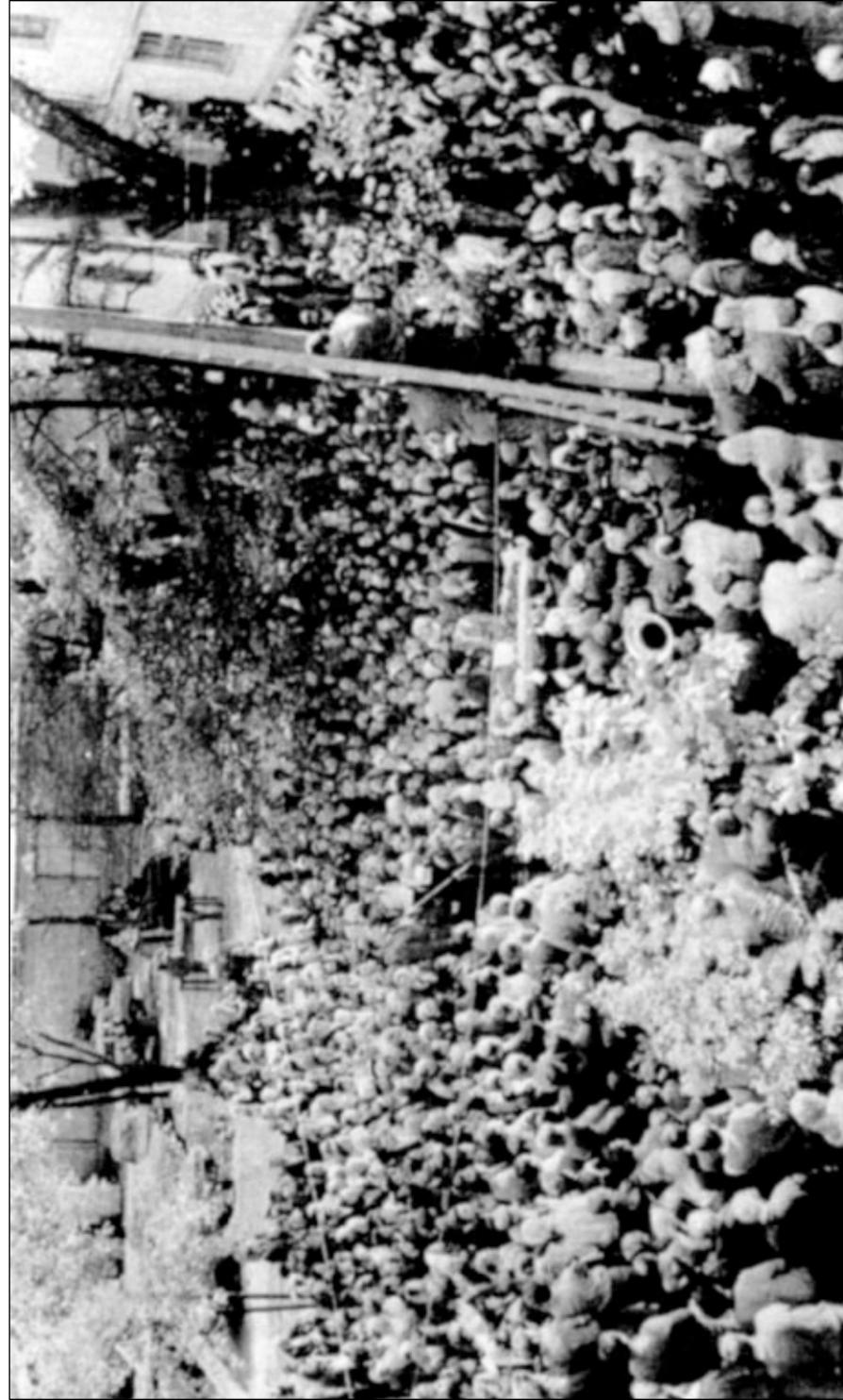
стихотворения, раздали неверующим очень много Евангелий от Иоанна.

Когда лучи заходящего солнца посылали всем свой багряный прощальный привет, родные и друзья по вере, благоговей, предали земле прах дорогого отца, любящего мужа и верного служителя Божьего. Боль временной разлуки снимали со скорбя-

щих сердец святые слова Спасителя, прозвучавшие в последний момент: "...Верующий в Меня, если и умрет, оживет... Верить ли сему?" (Иоан. 11, 25—26). "Верим!" — ответила жена и дети Николая Георгиевича. Этой верой утешены были и все, кому близок и дорог был при жизни Николай Георгиевич Батурин.

Похоронная процессия на одной из центральных улиц г. Шахты во время которой звучало живое свидетельство о Христе.

Прощальное богослужение во дворе дома, где жил Н. Г. Батурин.

«МЕЖИ МОИ ПРОШЛИ ПО ПРЕКРАСНЫМ МЕСТАМ...»

Пс. 15, 6

Для моего отца, Батурина Егора Степановича, в начале 30-х годов отправным пунктом этапного пути был: Иланский сельсовет — Канская — Красноярская тюрьмы. Затем — на барже до Енисейска, оттуда — в тайгу в Соврудник. 28 апреля 1936 года — Красноярская внутренняя тюрьма — тюрьма №1 — Мариинская тюрьма и лагерь. Новосибирская тюрьма и лагерь в Татарском районе. Снова — Мариинская тюрьма и один из лагерей Кемеровской области, где 7 марта 1941 года он умер в сорокалетнем возрасте.

Через семь с половиной лет после смерти отца, на 21-м году жизни, начался и для меня тот же путь.

1-й арест: 28 сентября 1948 года — Красноярская внутренняя тюрьма. С 8 января до 15 марта 1949 года — Красноярская тюрьма №1. Этап: Новосибирск — Омск — Челябинск — Куйбышев — Москва — Лефортовская тюрьма — Подмоскovie (станция Кучино) следственная тюрьма до 15 марта 1950 года — Москва — Бутырская тюрьма — этап в «стольпине» до Вологды. Оттуда — спецсоставом из товарных вагонов до Воркуты, где я находился до 28 сентября 1955 года.

2-й арест: 13 декабря 1962 года — КПЗ г. Шахты — Новочеркасская тюрьма — Саратовская — Челябинская — Новосибирская — Иркутская. Бохонский район село Оса — конечный пункт этапа, где родилась Вера. Там, на высылке, я жил до марта 1965 года.

3-й арест: 16 мая 1966 года — Москва — Лефортовская тюрьма — Красная Пресня — Ростовская тюрьма — Сальский район, колония в поселке Юла. Сентябрь 1967 года: Ростовская тюрьма, колония Каменный Брод до 20 апреля 1969 года.

4-й арест: 7 октября 1972 года — Ростовская внутренняя тюрьма №1 — Новочеркасская — Волгоградская — Казанская — Кировская тюрьмы — Котлас — станция Висляня — Княжпогост — 1-я и 3-я зоны — ШИЗО — Верхний Чов до 7 октября 1976 года.

5-й арест: 5 ноября 1979 года — КПЗ г. Смела — Черкасская — Днепропетровская — Харьковская — Свердловская — Мариинская тюрьмы — г. Юрга — колония — Кемеровская тюрьма г. Белово — колония до 28 сентября 1983 года.

6-й арест: 28 сентября 1983 года из лагеря г. Белово перевели в следственный изолятор Суд. И снова — Новокузнецкая — Барнаульская тюрьмы и — Джалбул. Сюда прибыл 5 июня 1984 года.

Последний этап перед освобождением в сентябре 1986 года: Уральская — Воронежская — Ростовская тюрьмы — Шахты — зона строгого режима. Здесь я провел всего одну ночь и меня освободили с надзором на год. В общей сложности Господь провел меня через 50 тюрем и лагерей.

МОСКВА

**Отпечатано в типографии издательства «Христианин».
Распространяется безвозмездно.**